

Олег
РОЙ

АМАЛЬГАМА СЧАСТЬЯ

Олег Рой

Амальгама счастья

«Олег Рой»

2008

Рой О. Ю.

Амальгама счастья / О. Ю. Рой — «Олег Рой», 2008

ISBN 978-5-699-33558-9

Принимая бабушкин подарок, Даша и вообразить не могла, что старинное трюмо и маленький сиреневый конверт так изменят ее жизнь. Бабушка, оставляя Даше наследство, надеялась сделать ее счастливой. Но так ли просто быть счастливой в жизни, где твоя случайная удача – повод для черной зависти? Причем не кого-нибудь, а самого близкого человека! Легко ли принять судьбу, в которой кровные узы оказываются путами, верность легко предается?! Трудно удержаться на краю пропасти, если единственное понимающее тебя существо – это... зеркальное отражение. Но что таится за ним?

ISBN 978-5-699-33558-9

© Рой О. Ю., 2008

© Олег Рой, 2008

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олег Рой

Амальгама счастья

Сидни Шелдон говорил о технике сочинительства:

«Я пытаюсь писать так, чтобы читатель не мог закрыть мои книги...» Подобное можно сказать о писательском кредо Олега Роя. Увлекательнейшие истории, неожиданные сюжетные повороты, яркие образы сильных, незаурядных личностей стали причиной обращения кинематографа к творчеству писателя.

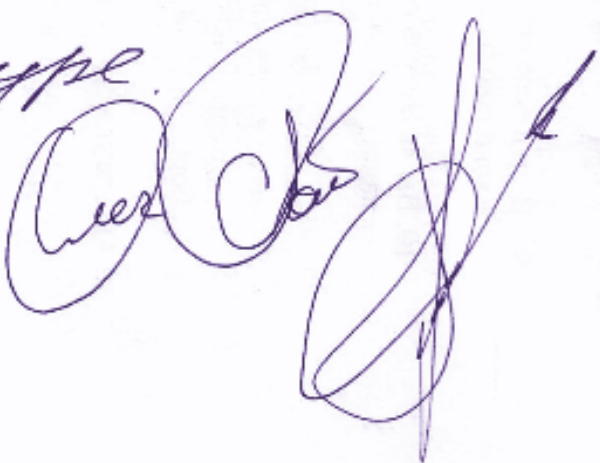
По его романам снимаются фильмы в России, Америке. Характеры персонажей автора раскрыты с удивительной глубиной и психологической точностью. Олег Рой пишет о вечном – о КАПРИЗАХ СУДЬБЫ, которая сегодня может лишить человека всего, что дорого в жизни, а завтра невзначай вернуть радость бытия. Но его герои, оказавшись на распутье, находят шанс, который дает им провидение, и становятся счастливыми. Перелистывая последнюю страницу захватывающего повествования, испытываешь жалость, что книга закончилась.

А. Маринина

Дорогой читатель „ЛитРес“!

Я очень рад, что имеет
возможность обратиться
к каждому из вас с
пожеланиями удачи,
счастья, любви... Ведь
именно эти слова
вы так часто будете
встречать в хорошей
литературе.

Ваш

Часть I

Глава 1

Дождь шел всю ночь. Он шумел, постукивал и, казалось, выматывал всю душу – осенние дожди, знаете ли... Даше не спалось, она бродила по комнатам, долго и жадно пила на кухне воду – холодную, из-под крана. Потом закуривала на балконе и, замерзнув, выбрасывала маленькую тлеющую ракетку. Вернувшись в комнату, застывала перед своим отражением в небольшом настенном зеркале (господи, осунулась-то как за эти два дня!), с размаху бросалась на кровать, тоскливо ждала сна, который не шел, и знала, чувствовала: вот-вот позвонят.

Телефон зазвонил в четыре утра.

– Одевайся, – сухо сказал знакомый голос. – За тобой придет машина.

– Зачем?

– *Она* хочет тебя видеть.

Даша задумчиво положила трубку на рычаг. Хочет видеть – это хорошо. Если человек чего-то хочет, значит, еще есть надежда...

В темноте быстро замелькали глянцевые апельсины фонарей, яркие магазинные вывески, знакомые улицы и повороты. Вот и Смоленская площадь, незаметный двухэтажный особнячок, привычная, тяжело-гранитная мемориальная доска: «Здесь жил и работал академик Петр Петрович Плотников». Интересно, думала Даша, надолго ли сохранится этот дом жилым, после того как Веры Николаевны не станет?.. Говорили, что на особняк давно зарится некая могущественная организация (очень уж удобно расположен, уютен, респектабелен), но жильцов до сих пор не трогали – из уважения к более чем девяностолетней вдове именитого ученого. Не в Бутово же ее перевозить вместе с прочей людской мелочью?! Да и ждать, конечно, оставалось недолго: двадцатый век на исходе, а Вера Николаевна, слава богу, родилась в последнем году девятнадцатого.

Пройдя через анфиладу комнат, Даша тихонько постучала в спальню. Привычного «войдите» не услышала, но словно бы почувствовала: скрипнула кровать, шевельнулся воздух. Бледный профиль на подушке, крупный породистый нос и все еще зоркие, хищные, насмешливые глаза – подумайте только, насмешливые!

– Как вы сегодня, Вера Николаевна?

– Слава богу, хоть сейчас отучилась бабушкой называть. – Голос был, как всегда, немного высокомерен. Сухость у этой семейки в крови. – Какая я тебе бабушка?

– И верно, – весело согласилась Даша. – Никакая. Что из меня за родственница? Седьмая вода на киселе, внучатая племянница троюродной сестры... А все же ответьте: самочувствие как?

– Скверно. – Ястребиный глаз требовательно и грустно покосился на Дашу. Да-с, теперь таких не делают, и нынешние – как ни стараются – так не смотрят. Вот и сама Даша, как ни силилась обучиться, никогда не могла смотреть одновременно нахально и нежно, пронизательно и наивно. В бабушке же, несмотря на немощность, сохранялись и женская царственность, и какая-то естественная, необходимая надменность. Чего ж вы хотите: Серебряный век, дворянская выучка... Порода, одним словом.

А старуха меж тем продолжала:

– Кажется, все, Дашенька. Нажилась. Пора и честь знать. Последние два дня ни есть, ни пить не могу; и ничего не болит – а не спится, все думается...

Тебе не спится, с легким и саму ее удивившим раздражением подумала Даша. Да вокруг тебя последние два дня никто не спит. Недвижимость! Деньги! Вклады! Антиквариат! Картины

Рериха, Левитана, Поленова, Серова, и все, заметьте себе, подлинники... А завещания-то и нет. Семья волновалась, подсчитывала, плела интриги. Сама-то Даша, положим, к дележке этого пирога прямого отношения не имела – слишком уж дальняя родня. Да она никогда на бабкины ценности не зарилась – прямых наследников много. Тем не менее и ей последние дни спалось плохо; нервы были натянуты. Во-первых, бабушка ей совсем не чужая: видеть ее при смерти, знать, что расставание неизбежно, было грустно и тягостно. В сущности, в последние годы только она и оставалась для Даши единственным близким человеком, родственной не по статусу, а по сущности. А во-вторых, от истории со всеобщим ожиданием наследства веяло чем-то давно забытым – драмами нелюбимых сыновей, традициями древнего рода, тайнами и проклятиями русских усадеб... И немножко щекотало, дрожало где-то внутри, за пазухой – не то чтоб очень богатства хотелось (что с ним, интересно, делать? На охрану от киллеров тратить?), а любопытно все-таки, забавно, интригуяюще.

Так думала Даша, а сама машинально говорила то, что обычно говорят умирающим:

– Полно вам. Не так все плохо. Это осень на вас действует. Дождь целый день, и в окнах серо, потому и настроения нет. А выглядите, по-моему, даже лучше обычного...

И осеклась. Тоскливый взгляд старухи заметался по комнате, рука потянулась и цепко ухватилась за Дашино запястье. Нет, плохо, плохо... Не выдюжит Вера Николаевна, сдастся. Жалко ее. Но и права бабка – пора. Ничего не сделаешь.

– Ты присядь, Даша. Хочу с тобой поговорить... Эти, – она неловко повела головой в сторону закрытой двери, – пусть все делят. Не сердись, девочка: фамильные жемчуга пусть в фамилии остаются. Сама понимаешь: даже если б я захотела что-то тебе оставить, по судам бы затаскали, загрызли. Ничего плохого не хочу сказать о своих детях: упорны, настойчивы, но... уж очень своего не упустят. Понимаешь, что я хочу сказать? Заждались моей смерти. Да и то сказать, долго ведь ждали. А все-таки не должны бы так открыто, так явно... Но и я им веселый сюрприз приготовила!

Бабушка закряхтела, заворочалась на высокой постели, и откуда-то из кружевных прощв, из белоснежной кипени подушек и простыней вдруг вынырнул продолговатый узкий сиреневый конверт.

– Это тебе, Даша. Только тебе. – Голос был серьезен и ласков, а глаза смотрели на внучку так пронзительно, что у Даши сжалось сердце. – Ты погоди пока читать. Вот когда все кончится, тогда уж... Клади, клади в сумочку, не смотри на меня так. Спрятала? Ну вот и ладно. Я, признаться, долго раздумывала, не сразу решилась... на такой шаг. Но после поняла, что ты единственная, кто сможет меня заменить... А впрочем, может, я и сама еще сгожусь, а?

Вера Николаевна неожиданно подмигнула девушке и вдруг совсем другим, железным голосом произнесла:

– Нельзя! Ко мне нельзя. Я занята!

Даша вздрогнула, оглянулась на дверь спальни. Та, оказывается, была уже приоткрыта.

– Ты извини, мама, – тихо и вальяжно протянул тот, кто звонил Даше нынешней ночью. – Мы привезли нотариуса, едва сумели уговорить в такую рань. Может быть, начнем?

Вера Николаевна тяжело подняла плохо слушающуюся руку, поправила седые, сбившиеся на подушке волосы. И вдруг, с каким-то обреченным озорством взглянув на Дашу, произнесла:

– Не сегодня, Сережа, прошу тебя. Я не могу сейчас принимать посторонних, тем более мужчин. Я... плохо выгляжу.

* * *

Даже спустя много дней после смерти Веры Николаевны Даша не могла удержаться от улыбки, вспоминая это последнее бабушкино женское кокетство.

Не удержалась, разумеется, в ту вполне драматическую минуту, невольно восхитившись про себя: ну и старуха! И немедленно поплатилась за свой смешок.

– Конечно, конечно, как скажешь. Он подождет. Но, наверное, и Даша тебя уже утомила. Говорил я тебе, не надо было выдергивать ее из дома – еще успеете и навидаться, и наговориться... – жестко прервал их Сергей Петрович.

И уже обнимал Дашу за плечи, уводил, тянул из комнаты, недобро на нее поглядывая и делая вид, что не слышит тихих возражений матери.

В просторной гостиной, там, где матово отсвечивали горки, заполненные старинным фарфором, где хрустальная люстра бросала торжественные блики на огромную дубовую столешницу (как же памятливы были Даше нечестные, чинные семейные празднества за этим столом по случаю бабушкиных именин – в те годы, когда она их еще праздновала!), где по стенам разбросаны были мягкими цветовыми пятнами полотна русских передвижников, – так вот, в этой самой гостиной дядя уютно устроился в кожаном кресле и предложил:

– Садись и ты. Домой ведь не поедешь? Конечно, нет, что я спрашиваю... Вы ведь не договорили.

– Нам не дали договорить, – поправила его Даша. Спорить ей не хотелось – да было и не о чем, а хотелось домой, спать. Но в то же время она понимала: нельзя уезжать, не простившись с Верой Николаевной. Это не было с ее стороны простой вежливостью, это было нежеланием расставаться навсегда без последнего слова, взгляда, прикосновения...

– Ты меня осуждаешь, – не вопросительно, а скорее утвердительно произнес Сергей Петрович. – Наверное, правильно. Но только не надо представлять всех нас в виде акул, хищно ждущих последнего мамино вздоха. Все немного иначе, и мы не палачи, а жертвы...

– Бабушкины? – засмеявшись, перебила Даша. Ее собеседник поморщился.

– Да не самой бабушки, а ее неумной фанаберии, неустойчивой склонности к спектаклям и драматическим позам. Ты же знаешь, завещания нет. Что ей мешало, скажи пожалуйста, сделать все достойно и просто, как люди делают, как в нормальных семьях принято? Распорядилась бы сама, без истерик и паники, расписала – что кому; слава богу, есть что расписывать. И тебе бы, между прочим, могло обломиться, если б она и вправду захотела тебя облагодетельствовать... И никаких бы обид, никаких трагедий не было. Так нет же, вбила себе в голову, что, как только составит завещание, тут же за ней и смерть придет. Ну смешно же, право слово!

Даша кивнула. И в самом деле смешно. Об этой фантазии Веры Николаевны вся родня знала, все соседи судачили. И, по большому счету, Сергей Петрович прав. Он часто бывает прав – холерный, ладный, подтянутый, все еще импозантный в свои шестьдесят с хвостиком. И смотреть на него, в общем, приятно: воплощение жизненной удачи, лучащегося здоровья, хорошего воспитания... Господи, да почему же ей так неприятно на него смотреть?

«Может, завидуешь?» – ядовито спросил тоненький внутренний голос. Но Даша одернула его строго и уверенно: не в зависти дело. А в чем же?..

А дядя тем временем продолжал:

– Давай, Дарья, мы не будем с тобой разыгрывать пошлую мизансцену под названием «Бедная родственница у постели умирающей в ожидании наследства». Надеюсь, ты человек здравомыслящий и сама понимаешь: завещания нет и, скорее всего, уже не будет. Я свою мать знаю. А не будет завещания – не будет и родственных благодеяний. По закону все достанется нам, двум сыновьям и прямым наследникам. Ты уж не обессудь: не мы так распорядились... Поэтому давай договоримся жить дальше без взаимной неприязни и необоснованных претензий друг к другу.

Даша кивнула. Прав, прав Сергей Петрович. Претензий у нее и раньше не было, что же касается неприязни, то... А дядя вдруг круто поменял тему и с небрежной, но осязаемой заинтересованностью спросил:

– Кстати, ты внимания не обратила? Шкатулка еще на месте?

Даша рассмеялась, и стало ей почему-то легко, и пропало чувство неловкости перед этим элегантным, уверенным в себе мужчиной.

– На месте, дядя, не волнуйтесь. Все там же, под подушкой, я видела. Целы ваши жемчуга-брильянты.

– Напрасно смеешься, – строго оборвал ее родственник. – И они не мои, они – фамильные, детям и внукам достанутся. Впрочем, тебе этого не понять, у тебя чувства семьи нет и никогда не было – откуда ему взяться?

И правда, кажется, взяться неоткуда. А чувство семьи у Даши все-таки есть и выражается не в стремлении поскорей наложить лапу на наследные драгоценности... Но дискутировать ей по-прежнему не хотелось. Она поднялась, подошла к окну и, отодвинув тяжелые шторы, чуть-чуть приотворила створку. Сырой воздух московского октября ворвался в комнату, тусклый утренний свет как-то сразу обесценил и заставил побледнеть роскошное электрическое освещение, стало ощутимо прохладней, но зато дышалось легче. Чуть пожившись, Даша уткнулась лбом в стекло и застыла.

– Закрой окно, – услышала она недовольный и по-прежнему суховатый голос. – Сама простудишься и дом выхолодишь.

Она вздохнула и вернулась в кресло. Глупая привычка повиноваться осталась в ней с детства. А ведь, казалось бы, уже не девочка – двадцать семь...

Посидели, помолчали. Даша крутила тонкое серебряное колечко на пальце (ей шло серебро, шли легкие, неброские тона и ткани – «акварельная девочка», как звали ее когда-то сокурсники в архитектурном), отбрасывала назад пепельную прядь волос, привычно тянулась за сигаретой – и вспоминала, что нельзя... Ей казалось, в доме стоят все часы и слоится застывший, как слюда, воздух; замерли неподвижные темные занавеси; затуманились, словно побледнели, все зеркала. Дом ждал смерти. И ожидание это, повисшее в воздухе, стало наконец столь ощутимым и тягостным, что Даша не выдержала:

– Можно я загляну еще раз к бабушке? Только попрощаюсь и уйду. Мне ведь сегодня на работу.

– Нельзя, – ответил Сергей Петрович. – У нее в это время обычно бывает медсестра – знаешь, давление померить, витаминчики вколоть... А ты вот что, – громко и немного делано вдруг оживился он, – сходи-ка на кухню, свари кофейку, сообрази что-нибудь на завтрак. Поедим, заглянем вместе к Вере Николаевне, а потом мой шофер тебя подбросит на работу. Годится?

– Не годится, – резче обычного ответила Даша. – Для работы я не одета. Мне нужно привести себя в порядок и хоть немного собраться с мыслями.

– Так ведь еще и семи нет. Не упрямясь, пожалуйста...

И тут из спальни раздался легкий вскрик, шум – и сразу же заговорил весь дом, забегали и засуетились люди, закрипела мебель, разбилась чашка, и тишины больше не стало.

Дом дождался.

* * *

Кофе Даше все-таки пришлось сварить. Она делала это почти машинально: перетирала жесткие зерна в ручной деревянной мельнице, ставила на огонь тяжелый старинный кофейник, искала сахарницу, которой почему-то не оказалось на привычном месте... Бегство на кухню было кстати; ей совсем не хотелось принимать участие в том ритуальном действе, которое разыгрывалось теперь в доме на Смоленке. Хотелось другого: молча посидеть рядом с бабушкой, поддержать ее за руку и запомнить тяжеловатое, родное лицо – еще не успевшее измениться... Но этого было нельзя. Даша отлично понимала, что в этой игре, среди шепотков

и коротких всхлипываний, ей нет места, и просто ждала, пока пройдет время и кто-нибудь вспомнит: «Ой, где-то здесь я Дашу видела, надо ее позвать попрощаться!»

Позвонив в банк и отпросившись на неопределенное время (постылая работа! надутый, недалекий начальник!), она сидела теперь на кухне и вспоминала, вспоминала... Почему так странно устроены люди? Не столь часто приходила она в последние годы к Вере Николаевне. Но когда узнала, что та почти безнадежна – а умирала бабушка не от какой-то конкретной болезни, а просто «от старости», как говорили все врачи, – стала бывать каждую неделю. Они так никогда и не сделались близки как родственники: Вера Николаевна никого не впускала в свой потаенный внутренний мир. Но при этом интересовалась Дашей и ее жизнью всегда. А поскольку она и в свои девяносто с лишним была умна и небывало остра в суждениях, Даша чувствовала: теперь ей будет страшно не хватать этих неторопливых часов в затемненной спальне, жарких споров обо всем на свете и бабушкиных язвительных «барышня» и «помилюйте-с»...

Дашины родители погибли в автокатастрофе, когда ей было двенадцать. И воспитывалась она у той самой троюродной сестры Веры Николаевны, которая вдруг волею судьбы оказалась самой близкой Дашиной родственницей. Девушка хорошо помнила, как мама Лена (так она звала свою воспитательницу) впервые привела ее в этот особняк на Смоленке, где семья академика занимала целый этаж – немислимая, вызывающая роскошь по советским временам! И Вера Николаевна, бросив на нее приветливо-равнодушный взгляд, спросила: «Это и есть наша сиротка?» А потом, оглядев Дашу по-внимательней, добавила: «Запомните, барышня, красное не носят с розовым – это слишком отдает кафешантаном...»

Дашу бросило в краску, и с неожиданной для себя дерзостью она возразила:

– Это спорный вопрос – сочетание цветов. Например, у Кандинского...

– Даша! – испуганно зашипела ей в ухо мама Лена.

– Нет, нет, – решительно остановила ее хозяйка дома, – это становится интересным. – И, подняв бровь, снова перевела взгляд на девочку. – Барышня увлекается живописью?..

Даша не просто увлекалась живописью – она рисовала часами, чертила, строила целые замки – на песке и бумаге, запоем читала биографии великих градостроителей и мечтала стать художником по ландшафтам. Она им стала, окончив архитектурный институт и победив на нескольких российских конкурсах. Только вот зарабатывать на жизнь любимым делом оказалось неимоверно трудно. Муниципальные заказы давались только счастливым избранным. И частными клиентами в ее профессии могли быть далеко не все: многим ли в России нужны специалисты по парковой скульптуре и фитодизайну? А способных оценить Дашины идеи среди них оказалось и вовсе немного, большинство предпочитало дачу «как в журнале» или загородный дом «по типу соседа»...

Так и вышло, что в один прекрасный день Даша оказалась скромной сотрудницей довольно известного банка – разумеется, с улицы туда никого не брали, протекцию составил старший сын Веры Николаевны. И теперь у нее были собственная, хоть и небольшая, квартира, вполне достойные средства к существованию и не слишком пылкая личная жизнь. Время от времени она создавала проекты почти фантастических по красоте загородных вилл и городских парков: иногда бесплатно, «по-родственному», иногда – за солидные гонорары. Все вместе давало ей чувство независимости, обустроенности жизни, но не давало ощущения ее полноты и правильности. А боязнь одиночества, все чаще и чаще посещавшая Дашу, делала ее будущее и вовсе непредсказуемым. Давно уже не было на свете мамы Лены, теперь не стало и пережившей ее на несколько лет Веры Николаевны. Это значит, совсем не будет семьи. А что будет?..

В носу у девушки защипало, слезы, подавляемые так долго, наконец заполнили глаза, и она полезла в сумочку за носовым платком. Взгляд ее, затуманенный пеленой, наткнулся на предмет, которого еще недавно здесь не было. Небольшой продолговатый конверт лежал там же, куда она и бросила его во время последнего разговора с бабушкой, – в маленьком внутрен-

нем отделении, рядом с Дашиным портмоне. Наверное, можно было уже прочитать и узнать, что хотела сказать ей Вера Николаевна напоследок, но ни любопытства, ни способности предпринимать какие-то действия сейчас не было: все поглотили апатия, усталость и обреченное чувство конца. Она погладила плотный конверт пальцами, и ей показалось, что от его сиреновой дымки пахнет лесными фиалками – любимым, знакомым ароматом бабушкиных духов...

Даша так глубоко задумалась, что не услышала грузных шагов совсем рядом с собой, и сильно вздрогнула от звука собственного имени, моментально, с обостренным инстинктом самозащиты щелкнув замочком сумочки.

– Дашуня, ну как хорошо, что ты еще здесь! – Жена Сергея Петровича почти шептала, возбужденно озираясь вокруг и прижимая к груди какой-то сверток. – Нам тебя просто бог послал. Вот, возьми, положи за бюстгальтер.

– Куда? – Даше показалось, что она ослышалась.

– За лифчик, говорю. Это так, мелочи, кое-какие украшения – ну, разумеется, не из самых дорогих, но дешевых ведь Вера Николаевна не носила. Завещания-то нет, так что сейчас нотариус начнет описывать имущество. А потом – все пополам, Сереже и брату его... Так ведь что в опись не попадет, то и делить не придется, верно же? Ты нам, конечно, поможешь?

Женщина подмигнула – немолодая, узкогубая, с жидким пучком на затылке, и Даша вдруг почувствовала внезапный приступ тошноты. Вновь появившегося желания бежать отсюда куда глаза глядят...

Не зная, что ответить тетке, как повежливее отказать (а соглашаться на это дикое предложение не было, разумеется, никакой возможности), девушка вдруг припомнила, как про старшую невестку Веры Николаевны в родне шептались, что ее «не принимают». Слишком уж отличалась она от своей свекрови и по воспитанию, и по умению себя держать, и по характеру. Правда, в свое время и брак самой Веры Николаевны с Петрушей Плотниковым – небогатым, неродовитым московским студентом – тоже казался ее родным непростительным мезальянсом. Но Плотников был безумно красив, талантлив, и, как показало время, юная аристократка в нем не ошиблась. Став одним из отцов-основателей советской силикатной промышленности, приобретя огромный авторитет как ученый, он сумел оказаться достойным ее любви, а богатство семьи, умножаясь его заработками, в конце концов значительно превысило стоимость того фамильного серебра и жемчуга, которые Вера Николаевна когда-то принесла в дом мужа.

Все эти воспоминания мгновенно пронеслись в Дашиной голове, и она, решившись наконец (поистине, это был день резких ответов в ее жизни!), проговорила:

– Мне кажется, это невозможно. То есть я имею в виду, что нечестно выносить вещи из дома тайком...

Теткины глаза сузились, и, едва сдерживая негодование, она начала:

– Но это же совсем не то, что ты думаешь. Как ты могла... После всего, что мы для тебя сделали...

Но в этот момент мужской голос перебил ее бесцеремонно и властно:

– Милые дамы, у меня для вас новость.

Женщины разом обернулись. Сергей Петрович, раскачиваясь на приподнятых носках и засунув руки в карманы, стоял на пороге кухни. Переведя насмешливый взгляд с жены на Дашу, дядя сказал:

– А завещание-то, оказывается, все же имеется...

Повисло молчание – наэлектризованное и недоброе, как воздух перед грозой. Насладившись произведенным эффектом, Сергей Петрович продолжал:

– Ну, собственно, завещанием это назвать трудно. Не по форме, не заверено – так, листок простой бумаги, но с ее подписью, здесь все честь по чести. Лежал – где бы вы думали? – в той самой заветной шкатулочке...

– Довольно, – словно опомнившись, вдруг сказала Даша, – я больше в этом безумии участвовать не желаю. Мне ваши семейные тайны неинтересны. Я уйду.

– А ты не торопись, – проговорил, все так же улыбаясь, дядя. – Дело тебя касается напрямую. Думаю, для того мать тебя и звала сегодня, чтобы самолично объявить свою волю, да вот, видишь, я помешал.

– Судя по вашему отличному настроению, Сергей Петрович, интересы вашей семьи завещанное мне наследство ущемляет несильно, – со всей доступной ей ядовитостью произнесла девушка.

Она вдруг почувствовала себя ужасно усталой. Ей и в самом деле малоинтересны стали грядущие события. Куда лучше было бы, грустно подумала она, если бы вместо какого-нибудь заплесневелого куска кружева бабушка подарила мне последний час своей жизни. Она и хотела, да не вышло... Хорошо хоть на память останется письмо – то самое, с ее последними прощальными словами; предчувствовала, видно, что по-настоящему, с глазу на глаз, проститься не удастся...

– Разумеется, разумеется! Совсем не ущемляет! – громко рассмеялся дядя. – Надеюсь, у тебя хватило ума не надеяться ни на какие революционные идеи со стороны Веры Николаевны? Но, впрочем, обсуждать ее решения нам не подобает... Налей-ка мне кофейку, если еще не совсем остыл.

Сергей Петрович уселся за стол, накрытый Дашей к завтраку час назад, и придвинул к себе белоснежную тонкую чашку. Бабушка признавала только тончайший фарфор светлых оттенков.

– Остыл, – сказала Даша.

– Ну, наливай холодный, не подогревать же его, – поторопил ее дядя. Водрузил на элегантный нос очки, закинул ногу на ногу, вытащил из кармана листок бумаги и, взглянув на хмуро молчавшую все это время жену, снова улыбнулся: – И ты садись тоже, устала за эти дни. Да не нервничай так, на тебе же лица нет!..

Женщина молча повиновалась. А Сергей Петрович, откашлявшись, торжественным тоном начал:

– «Я, Плотникова Вера Николаевна, находясь...» – ну, это неинтересно, тут всякие формальности, а суть... где это?.. да, вот: «завещаю своей родственнице Дарье Александровне Смольниковой зеркало с комодом старинной работы начала девятнадцатого века, находящееся в моей единоличной собственности и не представляющее, помимо художественной, никакой иной ценности – ни материальной, ни исторической...»

Дядя поднял глаза на Дашу и прибавил:

– Тут уж мама погорячилась, наверное. Если есть ценность художественная, стало быть, и материальная есть, так ведь? Но не будем придирааться... «Дети мои знают, где это зеркало находится, – продолжал он громко. – Обращаюсь к ним с просьбой: в точности и не откладывая исполнить мою последнюю волю».

Он аккуратно свернул лист и с комическим поклоном вручил его Даше.

– Бабушкино трюмо? – переспросила, не до конца понимая происходящее, девушка. – Но... Конечно, это такая память о ней, только куда же я его поставлю? У меня так тесно, а оно такое огромное...

– Дарья, какие приземленные мысли в столь возвышенный момент! – покачал головой Сергей Петрович. Впрочем, тут же посерьезнел, отхлебнул сразу полчашки холодного кофе и сказал: – Извини, дорогая. На самом деле, конечно, я напрасно ерничаю. Но и ты тоже должна нас понять: такие напряженные были эти дни, столько было маминых капризов... Знаешь, – доверительно понизил он голос, – я просто стараюсь держаться. Эта история с завещанием всех нас немножко напрягла, но и развеселила немало. И скажу тебе откровенно: если бы речь шла не о старом зеркале, а о чем-нибудь посущественнее, может, этот листочек до тебя и не дошел

бы... Но, слава богу, не пришлось брать греха на душу. Так ты принимаешь наследство? – почти игривым тоном закончил дядя.

А Даша почти не слушала его. Перед ее глазами стояла сцена одного из последних свиданий с бабушкой – тогда она еще вставала, ходила, и однажды Даша застала ее перед старым трюмо в спальне. Вера Николаевна приблизила к зеркалу лицо, напряженно вглядываясь в свое темное, размытое отражение, и водила по щекам пуховкой, как, должно быть, тысячи раз делала в молодости... «Старая... Совсем старая! – вздохнула она глубоким, прерывистым вздохом и обернулась к девушке: – Дашенька, знаешь ли ты, когда человек становится по-настоящему, отчаянно старым? Только когда на земле уже не остается людей, которые знали его молодым. Больше нет никого, кто бы помнил меня не морщинистой старухой, а девочкой с косичками или молодой красивой барышней... никого. Только это зеркало. Только оно... и в нем – мои отражения...»

– Даша! Да ты не слушаешь меня, что ли?

– Слушаю, дядя, – усилием воли вырвавшись из тенет памяти, проговорила Даша. – Я все слышу. Я возьму его.

* * *

Несколько следующих дней слились для Даши в одну сплошную серую, тоскливую пелену. Она помогала родственникам оформить какие-то необходимые бумаги (Веру Николаевну, по ее собственной просьбе, решено было похоронить на Новодевичьем, рядом с мужем-академиком, а это оказалось непросто и требовало многочисленных усилий и хлопот), звонила дальним знакомым, сообщая им о происшедшем, и еще – набрасывала по дядиной просьбе эскиз памятника. Нужно было встретиться в аэропорту Бориса Петровича, старшего бабушкиного сына, который почти безвыездно жил теперь за границей; заказать цветы; продумать меню поминального ужина... ей вообще казалось, что все мыслимые и немыслимые заботы по организации печальных бабушкиных проводов свалились именно на ее, Дашины, плечи.

Ну и, конечно, при этом необходимо было хоть ненадолго показываться на работе и... Что еще? Ах да! Улучить минутку и хоть однажды встретиться с Игорем.

Ему хотелось, разумеется, заехать к ней, но сейчас у Даши не было сил ни для ночных душевных разговоров, ни тем более для любовных объятий. Поэтому договорились вместе выпить кофе в любимой Дашиной кондитерской – она была сластеной, и Игорь вечно умилялся детской ее способности заедать неприятности шоколадкой. А Даша никогда не объясняла ему, что так может поступать только с мелкими неприятностями – о глубоких своих печалях ей и в голову не приходило ему рассказывать. Таков был установленный им самим стиль отношений между ними – отношений уже пятилетних и при этом легких, необременительных, почти невесомых.

Сейчас, глядя на друга, Даша в который уж раз отметила про себя колоритность и броскость его внешности – не случайно сидевшая за соседним столиком немолодая супружеская пара в который уж раз словно ненароком бросала на Игоря любопытные взоры. У него было лицо человека, жадного до всех дозволенных и недозволенных утех, знающего толк в плотских радостях, но при этом умеющего себя смирять по необходимости. Лицо – умное, волевое, немного хищное и сражающее почти наповал четкими, правильными чертами, словно вырубленными из камня резцом мастера, глазами какого-то особенно глубокого чайного цвета и непокорными, жесткими темными волосами. Когда они с Дашей бывали где-нибудь вдвоем, то внимание окружающих в этой паре привлекал скорее мужчина, нежели женщина; если Игорь был черно-белой гравюрой с абстрактными ломаными линиями, то Даша – рисунком в пастельных тонах. Благородство ее внешности, неброское сочетание всех ее красок – прозрачно-зеле-

новатые глаза, русые волосы, очень светлую, перламутровую кожу – мог оценить не каждый. Но у тех, кому хватало для этого вкуса, надолго оставались в памяти тонкий Дашин профиль, грациозные движения и пленительные, словно удлинённые линии ее тела.

– Так что ты собираешься делать с этой бандурой? – спросил он, внимательно выслушав повествование девушки и закулив очередную сигарету. В этой кофейне разрешалось курить, а для Игоря это было обязательным условием комфортного существования. Даше пачки сигарет хватало чуть не на месяц – для нее это оставалось скорее старой студенческой привычкой или же признаком сильного волнения, нежели насущной необходимостью. И сейчас, мысленно поморщившись (как все-таки невкусно пахнет дым!), она переспросила, не сразу разобравшись в смысле вопроса:

– Бандурой?.. А, ты имеешь в виду бабушкино трюмо. По-моему, вариант всего один: перевезу к себе, втисну в прихожей... Кстати, ты зря так непочтительно отзываешься об этом наследстве: вещь антикварная и даже довольно красивая.

– Эта антикварная и красивая вещь, дорогая, съест все твое жизненное пространство. Если зеркало действительно так велико, как ты говоришь...

– Я ничего не говорила тебе о его размерах, – внимательно посмотрев на друга, проговорила Даша. – Но ты прав: оно действительно огромное.

– И конечно, тебе потребуется грубая мужская сила, чтобы затащить этот подарочек на четвертый этаж, а потом долго двигать по квартире, подбирая подходящее место, – полувопросительно-полуутвердительно протянул Игорь. – Я как раз хотел сказать тебе, что вся следующая неделя у меня совершенно безумная и, боюсь, меня может даже не оказаться в Москве...

– А я как раз хотела тебе сказать, что ты можешь не беспокоиться по поводу моих хлопот с громоздким наследством, – в тон ему ответила Даша. – День перевозки уже назначен, и грузчики заказаны – слава богу, сегодня с этим нет никаких проблем. Можешь спокойно работать.

– Ну, Дашунчик, как ты могла такое подумать? – засмеялся Игорь, шумно задвигавшись, потянувшись к девушке через столик, чтобы обнять ее, и опрокинув при этом высокую узкую вазочку с сухими цветами. Глаза его были искренними, смех – ничуть не извиняющимся, но Даша знала его слишком хорошо, чтобы не уловить в этом смехе нотки облегчения вперемежку с легкой неловкостью.

– Ты помнишь, я просила тебя не называть меня Дашунчиком?.. Но это, конечно, пустяк, к слову. Так что там у тебя такого безумного на следующей неделе? Надеюсь, никаких неприятностей?

– Тьфу-тьфу-тьфу, – выразительно постучал по столешнице Игорь. – Никаких неприятностей, нормальный творческий процесс. Обычная запарка перед сдачей целой лавины текстов. Знаешь...

Даша вполуха слушала, как он принялся подробно и обстоятельно описывать ей свои вечно меняющиеся, но никогда не исчерпывающиеся до конца производственные проблемы. Игорь работал в крупном рекламном агентстве, считался блестящим копирайтером и спичрайтером, с ходу изобретал самые сложные и необычные слоганы и вообще, как говорили, был рекламистом от бога. Энергичный, неуемный, обаятельный, он, казалось, находился одновременно в десятке мест, успевая сделать любое задание втрое быстрее, чем его коллеги, и непрерывно фонтанируя новыми идеями и замыслами. И когда Даша слышала от общих знакомых намеки на его беспринципность или способность идти по головам ради собственной цели, то она никогда не могла понять: что в этих разговорах правда, а что – отголоски скрытой зависти к удачливому конкуренту. Впрочем, сама Даша давно уже не заблуждалась по поводу характера своего друга, главными чертами которого были абсолютная независимость и нежелание брать на себя проблемы окружающих. Игорь никогда и никому не хотел делать больно – но меньше всего самому себе.

– ...Так вот, я и подумал, что тебе, наверное, интересно будет пойти вместе со мной, – ухватила она конец Игоревой фразы и недоуменно подняла на него глаза. Он же, порывшись в кармане своего дорогого костюма, небрежно бросил ей на колени удлиненный конверт с золотым тиснением. В таких обычно рассылают приглашения на торжественные мероприятия, которым гарантирована немалая шумиха в прессе. «Национальная премия „Золотое яблоко“,» – прочла Даша. Разумеется, как она могла забыть... И в глазах ее всплыл другой конверт – узкий, сиреневый, слабо пахнувший фиалкой. Она так и не прочитала письмо Веры Николаевны, как скупец оберегая его даже от себя, отложив до самых худших времен. Она прочитает его потом – потом, когда бабушки совсем не будет на земле, когда закатится солнце ее последнего дня, и тогда Даша сумеет продлить ее земное существование, заново услышав ее голос и поговорив с ней еще раз как с живой...

– И когда состоится церемония награждения? – словно со стороны услышала она свой глухой, отстраненный голос, бросив взгляд на претенциозное название премии. Все яблоки на свете, даже самые раззолоченные, не могли вернуть ей то, чего она была теперь лишена навсегда.

– Ну, Даша, ну завтра же, я тебе об этом целый час толкую, – обиженно развел руками Игорь.

– Завтра хоронят Веру Николаевну, – машинально произнесла она. – Потом поминки. Извини, Игорек...

Его лицо вытянулось, приняло отчужденно-холодное выражение, но он быстро справился с собой и, нагнувшись, поцеловал Даше руку.

– Нет, детка, это ты меня извини. Конечно, важнее пройтись в похоронной процессии, нежели блеснуть в вечернем туалете на самой шикарной тусовке года. А то, что эта тусовка по совместительству должна стать днем триумфа твоего любовника, и вовсе неважно, правда? Кстати, их у тебя много, этих любовников? Может быть, то, что сейчас происходит, просто вежливая форма отставки?

– Если ты надеешься, что я почувствую себя виноватой, то напрасно, – устало проговорила Даша. – Ты же прекрасно понимаешь: дело не в любовниках и не в похоронных процессиях, не в правилах элементарного приличия и даже не в чувстве долга. Просто завтра мне важнее быть с Верой Николаевной, чем с тобой.

Вот и все.

– Как знаешь. И зачем мне такая девушка, у которой вечно свои дела и планы? – Он насмешливо просвистел какую-то оперную фразу (ко всем многообразным Игоревым достоинствам, безусловно, относился и безупречный музыкальный слух) и принялся вылезать из-за хрупкого чайного столика, такой большой и чуть неуклюжий.

Даша молча потянула сигарету из открытой пачки – вот теперь покурить было в самый раз. Она твердо знала, что, если сейчас, прямо в эту минуту, Игорь навсегда ее покинет, это будет неприятно – и только. И он знал это так же твердо. А потому никогда и ни при каких обстоятельствах не намеревался добровольно расставаться с Дашей.

– Я позвоню тебе сегодня! – Он помахал рукой на прощанье, бросил взгляд на часы и поспешно рванулся к выходу, не забыв, впрочем, оставить на столике деньги строго по заранее спрошенному счету. Уже издали, бросив на Дашу взгляд, улыбнулся как ни в чем не бывало и еще раз махнул рукой.

Она оставалась сидеть, откинувшись на спинку гнutoго высокого стула и так и не приронувшись к любимому берлинскому пирожному на тарелке. За прозрачными, чисто вымытыми окнами кондитерской снова стучали дождевые капли; Даша видела спешивших прохожих под зонтами, почему-то мрачными и темными как на подбор, и девушке показалось, что она смотрит немое черно-белое кино. Взгляд утыкался в огромные серые здания, заляпанные автомобили, хмурые, почти облетевшие деревья. Промышленный пейзаж, усмехнулась про себя

Даша. Городской октябрь... Почему в детстве краски осени всегда казались буйными, яркими? Почему в последние годы из ее жизни напрочь исчезли охра и медь, багрянец и золото?

Даша потянулась за сумкой, подозвала официанта и, расплатившись, медленно побрела к выходу. Впереди была незаконченная работа, отложенные дела, нервно ждущие своего часа, и в конце концов – длинный пустой вечер, который Даша сама захотела видеть длинным и пустым.

Глава 2

Наконец все закончилось. Все позади, тупо повторяла себе Даша, и эта мысль мучила ее в церкви во время отпевания, на Новодевичьем, на молчаливом поминальном ужине и теперь, когда она добралась наконец до дома и осталась одна. Какое счастье, что завтра суббота и обещали ясную погоду! Можно будет поехать куда-нибудь в парк, побродить, подышать свежим воздухом, а главное – помолчать и побыть наедине с собой.

Она бродила по своей квартире словно тень, не находя покоя и почему-то страшась лечь в постель. Как будто незаконченное дело или какая-то ускользающая мысль не отпускали ее, как будто невыполненное обещание давило на сердце. Письмо, вспомнила Даша. Письмо Веры Николаевны. Вот теперь самое время.

Она до сих пор все еще носила его с собой в сумочке. Сиреневый конверт немного затерся за эти дни, потерял свою праздничность и безупречную чистоту, но еле слышный запах фиалок по-прежнему исходил от его плотной бумаги, и на ощупь он оставался все таким же гладким и прохладным. Девушка вытащила из конверта несколько мелко исписанных косым бабушкиным почерком листков и, с трудом разбирая написанное, принялась читать.

«Моя дорогая девочка! (Кстати, а я говорила тебе когда-нибудь, как ты мне дорога?) Надеюсь, ты не плачешь сейчас и не сажаешь на эти листки бессмысленные водянистые кляксы... Предупреждаю: письмо важное, так что ты уж побереги его, ладно? Да и черт с ними, с листками (позволь уж мне чертыхнуться напоследок от души); самое главное – плакать и печалиться не стоит, потому что мне сейчас хорошо. Раз ты читаешь эти строки, значит, я уже свободна, и где бы я теперь ни была, наверняка там нет ни усталости, ни слез, ни боли, которых что-то многовато было в последние месяцы моей жизни. Мне хорошо, Даша, запомни это – и не грусти обо мне, не удерживай меня, тоскуя обо мне.

Так приятно говорить с тобой. Может быть, оттого что это уж в последний раз?... Прежде чем сказать тебе то, самое важное, ради чего я и заставляю сейчас трудиться свои непослушные пальцы, мне хочется просто всмотреться в тебя, в твое милое лицо и доверчивые глаза. Ох, Даша, какая же славная ты была девчушка! Мне всегда хотелось иметь дочку, да Бог не дал, а ты появилась в моей жизни так поздно, но сумела согреть и заполнить собой все последние годы! Помнишь, я взяла тебя с собой в Швейцарию и ты очаровала там всю нашу родню – ты была совсем подростком, худеньким и грациозным, и в тебе было настоящее достоинство и аристократизм!.. А помнишь наши споры в Москве и походы во МХАТ и Третьяковку, когда я могла еще передвигаться? И твои суждения, всегда точные и острые, и твое постоянное спокойное благородство, и немеркантильное, неподдельное равнодушие, какие бы побрякушки ни рассматривали при тебе мои невестки... Ну кому же, как не тебе, я могла бы еще писать эти последние строчки...»

Даша подняла от письма залитые слезами глаза и неверными, неточными движениями, как слепая, с трудом сложила листки и засунула их обратно в конверт. Зачем, зачем бабушка поет ей эти странные дифирамбы, зачем напоминает ей обо всех счастливых, давних, теплых годах!.. Слишком свежи еще в памяти были потери последних лет, слишком тяжелы впечатления прошедшего дня, и невозможно было читать все это, пока нервы так натянуты, пока в глазах стоит мертвое бабушкино лицо, а в ушах раздаются удары комьев земли по крышке ее гроба... Когда-нибудь потом, после... завтра или послезавтра... А сейчас – спать, спать, спать... И забыть обо всем хотя бы на время!

Конверт остался лежать на ее письменном столе, одинокий и беспомощный, как смятый цветок, а Даша наконец добралась до постели и опустила на подушку гудящую, больную голову.

Она думала, что уснет сразу же, но ей снова не спалось, как в последнюю ночь бабушкиной жизни, и вновь почему-то казалось, что вот-вот зазвонит телефон. Игорь не выполнил обещания, она так и не услышала его голоса после прощания с ним в кафе, но девушку это не удивляло и даже уже почти не огорчало. Возможно, ему просто не хотелось омрачать день своего профессионального торжества разговорами о смерти и похоронах, а может быть, элементарно лень было выражать сочувствие и делать над собой усилия, строя приличествующую ситуации мину. Во всяком случае, он не был лицемером – и этого, считала Даша, уже довольно.

Но так было не всегда. Когда-то, безумно влюбленная, она ждала от Игоря пылких эмоций, мечтала о совместной жизни, грезилась о вечной страстной любви и взаимной верности. Он никогда не бывал с ней резок, никогда грубо не отвергал ее идиллических намеков и сентиментальных девичьих разговоров. Но однажды, в Крыму, когда им было так хорошо вместе, когда ночи были особенно жаркими, вино на площади – безумно холодным, а море – отчаянно синим, Даша незаметно для себя самой переступила ту грань легкой сдержанности, которую выдерживала всегда и со всеми, и напрямую заговорила о будущем. Ее щека лежала на его груди, чуть соленой от ночного купания, ее русые волосы смешались с его темными прядями, а рука сжимала его сильную ладонь – и казалось, что это единственно правильное место для ее щеки, руки и волос, и так будет всегда, и невозможно ничто иное...

– Давай поженимся. – Она прошептала это так тихо, что на долю секунды сама поверила в то, что ничего не было сказано.

А он, замешкавшись и в ту же секунду ласково сжав ее руку, ответил:

– Ты не вытерпишь меня даже в течение года. А я... если уж говорить начистоту, я не вытерплю никого рядом с собой.

– Почему?

Игорь засмеялся, высвободился из ее объятий и отшутился легко и непринужденно – как делал это потом всегда, если речь заходила о чем-то неприятном или неприемлемом для него:

– Неверная жена мне не нужна, а верная надоест в два счета. Помнишь, у Пушкина про скуку?

И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена...

Представляешь, скуку сравнивать с верной и преданной женщиной? Каков прохвост!

Даша тогда послушно засмеялась в ответ, но сердце быстро, униженно забилося и – казалось – едва не остановилось. Разумеется, это был еще не конец, и впереди у них еще оставалось много чудесных часов, и лето было длинным, как никогда в ее жизни. А потом, в Москве, еще была теплая, тягучая, как мед, осень, и звеневшая веселым хрустальным снегом зима, и еще была весна – с охапками гиацинтов, веселыми пирушками с друзьями или наедине, неожиданными совместными путешествиями, когда Игорь вдруг сваливался к ней как снег на голову и говорил: «Ура, подруга! У меня отличная командировка. Едем?!» И Даша, отнекиваясь для начала (работа, начальство, отпуск уже был и прочее), про себя уже знала: конечно, поедет, и все будет здорово – может быть, как никогда прежде...

А потом вдруг все кончилось. То есть Игорь был, и Даша была, но ничего стоящего с ними уже не происходило. Даша уже не заговаривала о будущем, а Игорь, с непривычки немного беспокоясь (все девушки должны хотеть замуж за своих возлюбленных, а если не хотят, значит...), вскоре принял и оценил ее спокойное постоянство, неистеричную дружественность и всегдашнюю готовность прийти на помощь. Однажды он, немного смущаясь, шутливо намекнул, что сам хранит ей почти супружескую верность и почему-то не хочет ни новых впечатлений, ни новых романов – «представляешь, старушка, наверное, отгулял свое», – но Даша приняла его признание равнодушно, и Игорь даже слегка обиделся на нее за это. Впрочем, все

быстро вошло в обычную колею, и, привыкнув всегда ценить ее необременительное присутствие рядом с собой, он даже не подозревал, насколько больше она могла бы ему дать и какой малостью была эта ее ровная дружба по сравнению с тем, что он когда-то потерял...

Будильник звенел длинными, отчаянными гудками... почему будильник, разве она его заводила? Ах нет, это же телефон. Даша вскинулась, полусонная (сколько же времени?), схватилась за трубку и, плохо понимая, чего от нее хотят, переназначила какое-то время и согласилась с какой-то вновь названной датой. Уже положив трубку и окончательно стряхнув сон, она сообразила, что разговаривала с бригадиром, который объяснял ей, что выполнить ее заказ в воскресенье никак невозможно, но есть вариант перевезти груз прямо сейчас. Бабушкино зеркало, поняла Даша. Значит, уже сегодня.

Суббота началась, отказав ей в простенькой мечте о парке и одинокой прогулке. Ну и подумаешь. И не такое переживали.

* * *

Оно стояло посреди Дашиной комнаты – тяжелое, овальное, высотой почти в человеческий рост, опираясь на замысловатый комод, кокетливо присевший на четырех гнутых лапках. Выдвижные ящички, разнообразные отделения для всяких милых женскому сердцу пустяков и даже роскошные канделябры по бокам – все это наводило на мысль о греховной прелести тайных романов, припрятанных от ревнивого глаза письмах и наивных ухищрениях кокетства, которые так не нужны вначале, когда тебя любят и без того, и так бесполезны в конце – когда уже бесполезно все на свете.

Какая все-таки немислимая старина, думала девушка, обходя кругом этого мастодонта, невесть как оказавшегося в ее маленькой квартирке, где все, согласно Дашиному вкусу, было изящным и камерным. Друзья шутили, что Даша, как герой из романа модного нынче Милорада Павича, использовала в своем доме не столько вещи, сколько эстетику пустот и пространств – и правда, мебели здесь было совсем немного, только самое необходимое, зато света, свободы и ощущения легкости – хоть отбавляй... И вот теперь, стоя рядом с бабушкиным подарком, разом изменившим облик ее жилища, она думала о том, какое место займет эта вещь в ее жизни.

Даша проводила пальцами по теплым деревянным изгибам комода, бесцельно выдвигала и трогала ящички, в которых не было ничего, кроме затхлого запаха пыли (а что она, собственно, рассчитывала там найти?), нежно гладила поверхность потускневшего зеркала, кое-где поцарапанного по бокам и с потрескавшейся местами серебряной амальгамой. Все вещи Веры Николаевны, которые она хранила в своем трюмо – старая переписка, девичьи дневники, шкатулочки с памятыми вещицами и разными мелочами, игольницы, узорные флаконы из-под духов, привезенных обожающим ее мужем из зарубежных поездок, – все это было аккуратно и вовремя изъято родственниками, и теперь Даше казалось, что она получила на память от бабушки красивую, но пустую оболочку ее долгой жизни – воспоминание о воспоминаниях, стертое отражение судьбы, несколько неясных, промелькнувших в сонной зеркальной глубине образов...

Девушка припомнила, что когда-то читала о том, что все зеркала на свете обречены навечно хранить облик людей, хотя бы однажды отразившихся в них, все многочисленные отпечатки времени, контуры вещей и событий. Если это так, думала Даша, то бабушка никуда не ушла от нее – она рядом, как и все, кого она любила, с кем встречалась или беседовала возле своего любимого, полученного в приданое трюмо. Эта мысль немножко развеселила Дашу, хотя она тут же посмеялась над своим допотопным мистицизмом и неистребимой склонностью к фантазиям.

Надо было, однако, стряхнуть сонную леность, последствие сегодняшней бессонницы, и заняться наконец накопившимися за неделю делами. Даша что-то готовила на скорую руку, включала стиральную машину, гудела пылесосом, параллельно отвечая на телефонные звонки и подряжаясь на новую интересную работу по оформлению интерьера дачи (у нее уже около года не было стоящих заказов). Поставила любимый диск, полила, пританцовывая под мазурки Шопена, все цветы в доме, обиженные ее недельной небрежностью и невниманием, навела порядок в шкафах... Но что бы она ни делала, ее как магнитом притягивала одинокая вещь в центре ее комнаты – вещь, только что потерявшая хозяйку, привычный угол и размеренное, ясное будущее.

Наконец Даша не выдержала и, уронив то, что держала в этот момент в руках, снова подошла к зеркалу. Трюмо почему-то вызывало в ней жалость, словно было живым и способным чувствовать, будто могло ощущать потерю. Девушка взяла с письменного стола сиреневый конверт с недочитанным письмом и лихо, словно цветок за ухо щеголю, заткнула его за краешек зеркала – и то сразу повеселело, точно ожило от ее внимания. Потом положила руку на гладкую поверхность, и ей почему-то показалось, что она стала чуть теплее, от зеркала уже не веяло недавней смертью. «Когда человек умирает, изменяются его портреты», – вспомнила она известные строчки. Может быть, не только портреты? Может, все, что любил человек, с его смертью обретает иной облик, иные очертания?.. Даша еще раз провела по зеркалу пальцами, чуть погладила, и ей почему-то вдруг показалось, что там, внизу, ничего нет – рука словно нырнула в темную пустоту и тут же испуганно отдернулась. Даша вздрогнула, но тут же успокоилась, улыбнувшись своему отражению и сама себе покачав головой: вот что значат недельный недосып, стресс и разгулявшиеся нервы!

Но неловкое движение ее руки словно привело в действие какой-то непонятный ей механизм; Даше показалось, что зеркало чуть качнулось, накренилось, изменился его наклон, и вообще оно больше не казалось застывшим монолитом – в нем появилась какая-то скрытая грация, словно оно ожило и улыбнулось. Даша чуть нажала на стекло и поняла, в чем таился секрет: зеркало могло вращаться! Неведомые мастера прошлого научили его поворачиваться вокруг горизонтальной оси. Бабушка наверняка знала об этом, но в ее спальне трюмо было прижато к стене, так что поворачивать его не было никакой возможности. Да и зачем, к чему, что за странная прихоть?.. Даша улыбнулась и еще раз, как качель, подтолкнула тяжелую ровную гладь, но, видно, не рассчитала усилие.

Зеркало с неожиданным для нее стремительным размахом качнулось, как маятник, пошло вниз, прямо на Дашу, и девушке показалось, что на нее обрушилась сверху какая-то темная лавина, густое и странное нечто, в котором было трудно дышать. На глаза давила неведомая тяжесть, и почему-то захотелось закрыть их, что Даша и сделала, с облегчением откинув голову назад и наконец отдыхая, как никогда в жизни...

...Даша лежала на прогретой солнцем, пахнувшей сотней лесных запахов высокой и мягкой траве. Она буквально утопала в зелени, как в стоге сена; какая-то неведомая травинка щекотала ей ухо, над головой шумела огромная, раскидистая липа (июнь! деревня! ароматы меда и мяты!), а широко распахнутые глаза смотрели на безупречную, ровную голубизну неба.

Разнеженная и одурманенная жарой девушка почти не шевелилась; лениво текли мысли ни о чем – думать не хотелось, как и вставать, и двигаться, и идти куда-то. Слабый ветер едва шевелил оборки ее платья, рядом валялась забытая книга, и было хорошо так – легко и бездумно – отдаваться течению неспешного времени и утопать в полуденном мареве.

В полуденном мареве?.. Под цветущей липой?.. И это сейчас, в октябре, столько дней изводившем ее непрерывными дождями и бесцветными, неулыбчивыми лицами? Опомнившись, очнувшись от своего почти блаженного забытья, Даша резко приподнялась, не в силах справиться с нахлынувшим вдруг страхом. Из волос посыпались застрявшие душистые лепестки, сердце сжала чья-то невидимая рука, в горле пересохло, и ей показалось, что она сходит с

ума. Осторожно поднявшись, девушка оперлась о шершавый ствол и повела вокруг испуганным взглядом.

Теперь она стояла рядом с липой на опушке леса. Широкая поляна, вся залитая солнцем, казалось, парила над близкими полями, над рекой, протекавшей совсем неподалеку, и чудесными зелеными холмами, и белой меловой дорогой, причудливо извивавшейся внизу. Звенел от птичьего гомона воздух, шелестела под ветром трава, еле слышно стрекотали кузнечики, и весь этот стрекот, и гомон, и шелест, щедро пересыпанные медвяными запахами, вдруг вселили в Дашу такое невысказанное ощущение радости бытия, такое упоение молодостью и ожиданием счастья, что страх исчез, будто его никогда и не было, и, легко ступая по траве, она направилась прочь – от леса и липы, от книжки, оставшейся нераскрытой лежать на земле, и от себя, зажатой, испуганной, одинокой, забытой в том дождливом октябре вместе с пустилицыными прохожими под черными зонтиками.

Даша сама не знала, куда и зачем она идет, но понятия цели и смысла уже не казались ей такими самодовлеющими, как в обычной, подчиненной законам волевой необходимости жизни. Разве чистая радость и желание вечно идти по этой дороге – не достаточные основания сами по себе? Разве нужно непременно кому-то отчитываться в том, что делаешь, исполняя придуманные другими людьми неписанные правила чуждой игры? Разве не заслужила она хоть немножечко счастья?..

Даша шла и шла сквозь зыбкий, дрожащий от жары воздух, мимо речки с белоснежными лилиями и плотно-зелеными, привольно раскинувшимися на воде листьями кувинок; мимо странных деревьев с неведомыми ей густо-красными плодами; мимо невысоких пригорков, покрытых серебристой травой; мимо причудливых цветников с лиловыми и голубыми ирисами... «Так и хочется вырезать ножницами какую-нибудь из этих картинок, вставить в рамку и повесить на стену», – мимоходом подумала Даша. И тут же улыбнулась собственной нелепой затее: зачем вырезать, в точности повторяя все изгибы пейзажа? Лучшие она нарисует его, сама, как умеет – не только то, что видит, но и то, что чувствует в нем: подлинность, искренность и незримое дыхание вечности...

Между тем ноги ее стали уставать – она шла уже так долго, словно со страницы на страницу чудесной книги, где не было ни строчки примитивного человеческого текста, а только иллюстрации, созданные самой Природой. И хоть усталость была даже приятной, но взгляд уже искал места, где можно было бы присесть и отдохнуть. Не успев удивиться невысказанной быстроте исполнения желаний (будто только так и должно было быть), Даша заметила впереди невысокий дом с белыми колоннами, с полукруглой верандой, опоясывающей его по периметру и оплетенной гибкими ветками плюща, со взмывающими в окнах от каждого дуновения ветра кружевными занавесками. На веранде мелькали светлые лица и платья, звенела посуда, и кто-то с громким смехом звал:

– Господа! Чай пить!

Она подошла к веранде почти вплотную, изумленная, что никто из людей, собравшихся там, как будто не замечает ее присутствия, и не то чтобы увидела, а почувствовала: лица знакомы и даже любимы ею. Раскладывала привычный пасьянс на маленьком столике, придвинутом к креслу, Вера Николаевна; озабоченно перетирала и без того безупречные чашки чистейшим полотенцем мама Лена; и счастливые, навечно молодые родители, обнявшись, стояли у мраморной балюстрады, негромко переговариваясь о чем-то. Еще один шаг – и Даша окажется там, с ними, но кто-то тихо назвал ее имя, отчетливее зазвенели голоса птиц, зашумели кроны деревьев, которых как будто и не было рядом, и девушка вдруг ощутила какое-то неприятное, непонятное чувство – словно двоится в глазах, исчезает знакомый пейзаж, и сквозь его размытые контуры проступают незнакомые ей лица и вещи, покрытые паутиной времени.

С сожалением оглянувшись назад и будто давая кому-то неведомое обещание, она проговорила про себя: «Хорошо, ухожу, ухожу...» Симфония лесных звуков, показалось ей, в этот миг зазвучала еще громче, солнце ударило прямо в лицо, будто отраженное невидимым увеличителем, и все завертелось...

* * *

...у Даши в глазах, когда она попыталась сесть, придерживая обеими руками тяжелую, гудящую голову. Обвела ничего не понимающим взглядом комнату, знакомые и привычные вещи, повернула побледневшее лицо к книжным полкам со следами еще не законченной уборки и поразилась, как нечетко видят ее глаза – словно кто-то набросил на них пыльную пелену. Запахи травы... Лепестки в волосах... Золотое, жаркое марево... Господи, что это, откуда? Даша даже застонала от безумного желания продлить, вернуть этот странный, неведомый сон – вернуть звуки, краски, запахи, весь испытанный вкус неизбывного счастья и подлинной, невыдуманной жизни. Какая жалость!..

Обнаружив, что она сидит, опираясь на столешницу бабушкиного трюмо, девушка обернулась, приподнялась и очутилась лицом к лицу со своим отражением в зеркале. Ей казалось, она впервые разглядела себя – впервые разглядела и впервые поразилась своей красоте, о которой когда-то, в ранней юности, ей прожужжали все уши пылкие поклонники. Дашины глаза сияли, словно промытые изнутри, кожа дышала матовой розовостью («Хоть сейчас в рекламный ролик», – усмехнулась девушка), нежные губы раскрылись, как в момент страсти... «Фу, Дарья, что за пошлости!» – остановила она себя, но не могла не признать, что странное зеркало и в самом деле показало лучший ее портрет и польстило, как никогда никакое другое.

Спасибо вам, бабушка Вера Николаевна! Ох, спасибо за подарочек! Правда, наследство оказалось с сюрпризом, и, похоже, этот сюрприз здорово стукнул Дашу по голове, доведя даже до обморока, но уж очень приятно, оказывается, бывает потерять ненадолго сознание... Прежде с Дашей такого не случалось, и поэтому она не знала, что после обморока бывают головокружение и легкость, но вряд ли возможны четкие, как графический рисунок, воспоминания, чувство радости и сожаление о потерянном мире.

Она ожидала, что ей трудно будет подняться, но вскочила легко, как ни в чем не бывало. Настроение, бывшее с утра минорным и тягостным, теперь не портил даже противный мелкий дождик за окном. Еще вчера Даше казалось, что этот дождь никогда не кончится, а сегодня, сейчас она не имела ничего против – зачем спорить с природой, если она, Даша, все еще ощущает тепло и медовые запахи нагретого солнцем летнего дня, слышит щебетание птиц?

Она быстро заходила по комнате, переделала массу незаконченных дел и, удивляясь собственной энергии, уже почти решила все-таки выйти куда-нибудь подышать воздухом – невзирая на дождь. Однако звонок, а потом и решительный стук в дверь помешали осуществить ее благому намерению.

Игорь ворвался в дом как тайфун – так бывало всегда. И сегодня, срывая с себя мокрый плащ, целуя ее на ходу и стряхивая крупные капли дождя с зонтика, он, как обычно, засыпал ее вопросами и почти не слушал ответов.

– Где ты была, куда запропастилась? Я заходил часа полтора назад, а перед этим звонил сто раз – молчание, пустота, вакуум! Я и вчера звонил, и позавчера вечером («А вот это уже неправда», – спокойно и отстраненно отметила про себя Даша) – та же история. Знаешь, старушка, я даже испугался – вдруг, думаю, что-то стряслось, ты была такая потерянная эти дни, сама на себя не похожа...

Он говорил быстрее и сбивчивее, чем обычно, в глазах, всегда таких иронично-спокойных, была тревога, и Даша удивленно подумала: «Неужто и в самом деле беспокоился?» Когда-то, давным-давно, было бы приятно это проявление чувства с его стороны, но теперь это не

имело почти никакого значения. Даже, пожалуй, неловко, будто заставила волноваться совсем незнакомого человека...

Она отвечала Игорю, привычно ставя на огонь чайник и доставая его любимые чашки – синие с золотом. Она делала это сотни раз, встречая его или провожая утром на работу, и, наверное, будет продолжать делать и дальше... неужели, неужели еще сотни раз?! Вспыхнувший в Даше внутренний протест против привычного течения жизни был столь неожиданно сильным, что она даже вздрогнула и чуть не пролила сливки мимо узкого горлышка молочника.

– Нигде не была, Игорек, никуда не запропастилась. Вчера, ты знаешь, хоронила бабушку (он быстро закивал головой и отвел глаза, в которых девушка уловила едва различимый оттенок сожаления)... А сегодня весь день дома. Возилась по хозяйству, отвечала на звонки, принимала грузчиков с бабушкиным трюмо...

– Уже?! – оживился Игорь, который, пройдя из прихожей прямо на кухню, не успел еще оценить Дашино приобретение. – Ну-ка, посмотрим на твое антикварное чудо...

Даша не пошла за ним в комнату, но слышала, как он громко присвистнул, заходил вокруг зеркала, со скрипом задвигал деревянные ящички. Потом звуки замолкли, в комнате воцарилась тишина и продолжалась так долго, что девушка, неведомо почему, даже забеспокоилась.

– Игорь! – громко крикнула она и, не дождавшись ответа, кинулась в комнату.

Он сидел на диване напротив трюмо, засунув руки в карманы и уставив неподвижный взгляд в сонную зеркальную муть. Даша поразились, какой неподвижной выглядела его фигура и каким живым, дышащим, почти угрожающим в полутьме комнаты казалось старое бабушкино трюмо.

– С тобой все в порядке? – осторожно спросила девушка, касаясь прохладной руки друга.

Он улыбнулся, чуть виновато взглянул на нее, притянул к себе, прижался щекой к ее волосам:

– Разумеется, все в порядке. Что может случиться?

Он усадил Дашу на колени и задумчиво протянул:

– А вещь и правда красивая. Что-то в нем есть, знаешь, такое... мистическое.

Она почему-то вдруг рассердилась, словно Игорь попытался отнять у нее что-то, принадлежавшее только ей. Что-то было не так, что-то изменилось в комнате, но Даша не могла понять что, и это сбивало ее с толку.

– Ничего мистического. На твою тонкую творческую натуру просто действует обаяние старины.

– Да ты никак сердишься? Глупости, Дашунчик! – И, заметив, как она привычно поморщилась на «Дашунчика», поправился: – Извини, Даша. Если не хочешь, не будем больше об этом говорить...

– Не будем. Пойдем за стол, я с утра ничего не ела.

Они сумерничали на кухне, лениво перебрасываясь короткими фразами – так тоже бывало уже много раз, и всегда Даше нравились эти спокойные вечера под мягким светом лампы, приглушенные разговоры, неторопливое чувство пусть не близости, но хотя бы некоторой сопричастности друг другу. Сегодня же она почему-то нервничала, ей хотелось поскорее остаться одной, и она торопливо придумывала предлог, чтобы избавиться от Игорева присутствия. Как назло, ничего путного в голову не приходило – они не были вместе уже так давно, и Игорь, конечно, обидится, если она выставит его за дверь... А впрочем, с несвойственным ей жесточением вдруг подумала Даша, почему она должна изобретать предлоги и мучиться угрызениями совести? Разве не достаточно того, что она просто хочет побыть одна?

– Я мешаю тебе? – Для Игоря подобная проницательность была просто удивительна.

Девушка облегченно вздохнула и уже открыла было рот, чтобы извиниться и попроситься, но он не дал ей вымолвить ни слова.

– Я знаю, ты просто устала. Я договорился на вечер с ребятами, они ждут нас. Отвлечешься, развеешься. Эти похоронные дела хоть кого загонят в депрессию... А кстати, если ты уже придумала, в какой угол поставишь свой антиквариат, давай покончим с этим и сбросим с плеч все заботы.

Даша молча смотрела на Игоря. Она не хотела никуда ехать, она не хотела задвигать зеркало в угол, она... да что там, она просто не хотела ни о чем разговаривать. С неожиданным чувством стеснения она вдруг сообразила, что весь этот вечер они беседовали с Игорем о ее делах, ее самочувствии, ее наследстве – и она даже не спросила, как прошла церемония вручения долгожданной премии. А он, для которого это было, уж конечно, неизмеримо важнее любых ее капризов и настроений, сам не обмолвился об этом ни словом.

– Извини, пожалуйста. Я действительно вымоталась. Видишь вот, даже не спрашиваю тебя о твоём «Золотом яблоке»... – Даша вымученно улыбнулась и дотронулась до его руки.

Игорь не поддержал ее улыбки, но ответно сжал Дашину ладонь и тихо ответил:

– Я вижу: все не так. Но мы переживем это, правда? И о премии моей еще поговорим – не надейся, что избежишь подробного отчета о самом торжественном дне моей жизни.

Он еще раз погладил Дашину руку и уже весело закончил:

– Так что собирайся – поедем праздновать. Я хотел заказать столик в «Праге», но ты же знаешь наших друзей, их невозможно вытащить в свет... Договорились, что подъедем к ним часам к восьми, Светка там колдует над какими-то новыми немислимыми блюдами. Если не хочешь сейчас заниматься перестановкой, давай оставим это на завтра, все равно я буду с утра у тебя – выходной ведь.

Поток его слов все лился и лился, он уже собирал со стола посуду, подталкивал Дашу к дверям, тянулся к телефону, чтобы набрать привычный номер... А ей вдруг расхотелось спорить. Может быть, Игорь прав и ей действительно надо развеяться? Она быстро оделась, несколькими взмахами щетки причесала волосы и, взяв косметичку, нерешительно подошла к трюмо, так и оставшемуся стоять посреди ее небольшой комнаты. Как когда-то бабушка, Даша легко провела пуховкой по бледным щекам, чуть подкрасила ресницы и губы – она не любила косметики и, занимаясь макияжем, скорее выполняла некий общепринятый ритуал, чем получала от этого искреннее удовольствие, как большинство ее подруг. Из зеркала на Дашу смотрела почти незнакомая женщина: ушедшая в себя, отстраненная, слегка загадочная...

– Какая ты все-таки у меня красавица! – тихо сказал за ее спиной Игорь.

Она улыбнулась, ничего не ответила, но странный внутренний голос, к которому она уже почти начала привыкать, еле слышно возразил в ее душе: «У тебя?..»

И через несколько минут зеркало снова осталось одно, совсем одно в пустой темной комнате – не было больше ни света, ни звуков, ни запахов; не было Даши и ее тихих шагов, не было Игоря с его размашистыми, резкими движениями; и не было больше узкого, продолговатого конверта, словно последнее письмо Веры Николаевны растаяло в сиреневых сумерках, словно голос ее оборвался, не договорив внучке чего-то важного.

Глава 3

– Ну, вот она, девушка наша запропавшая, напугавшая! Игорь тут с ума сходит, мы трезвоним-названиваем, и никакого ответа, никакого привета...

Павел шумел и суетился, как всегда, буквально втаскивая Дашу в свою огромную претенциозную гостиную с электрическим камином. Он говорил без умолку, сыпал рифмами и прибаутками, попутно смахивая с любимого кресла толстого, рыжего, очень похожего на своего хозяина кота Парамона и освобождая место для гостя. Лучший друг Игоря был полной ему противоположностью, по крайней мере чисто внешне: грузный, часто неопрятный, простоватый на вид и слишком ленивый для активной светской жизни, которой так дорожил Игорь, Павел был тем не менее весьма преуспевающим юристом и имел славу человека, способного выиграть самое безнадежное дело. О его жесткости и изворотливости среди знакомых ходили легенды, и Даша, глядя на него, часто вспоминала расхожую истину о том, что толстые сентиментальные мужчины, обожающие животных, на поверку обыкновенно оказываются безжалостными циниками.

– Ребята, расслаживайтесь, я сейчас! – донесся из кухни Светкин голос, и буквально через минуту она действительно появилась с высоко поднятым подносом, уставленным закусками, и, лавируя между мебелью, быстро и ловко соорудила на низеньком журнальном столике нечто вроде шведского стола.

Даше совсем не хотелось есть, но глаз художника оценил естественную непринужденность и радость красок натюрморта, где нежная розоватость семги соседствовала со свежей зеленью салата, багровые помидоры восседали рядом с желтоватыми надрезами дорогих сыров, а тускло поблескивающее в бокалах расплавленное золото коньяка словно вбирало в себя и мерцающий огонь зажженной свечи, и краски крутобоких яблок в высокой вазе, и матовую белизну фарфора.

– А какое вас ждет горячее, – закатила глаза Светлана, блестящая кулинарка по призванию и домохозяйка по нынешнему статусу. – М-м-м... пальчики оближете!

– Ладно, ладно, – умерил ее восторги хозяин дома и, широким жестом обведя закуски, предложил: – Начнем, пожалуй. Игорь, за что для начала – за твою премию или?..

– За премию, за премию, – поторопился перебить его гость. – Насчет всего остального – потом.

– А на что же ты ее потратишь, Игорек? – с хрустом разломив горячую булочку, невинно поинтересовалась Светлана. – Говорят, деньги немереные?..

– Немереные для того, кто так говорит, – отшутился Игорь. – А как начнешь их мерить, так и выяснится, что не так уж их и много... Ну, машину поменяю. Съездим с Дашуней отдохнуть... верно, Дашунчик? А может, подарю ей, как самой любимой женщине, бриллианты от Картье...

– Зачем дарить? – подал голос Павел. – Она может сама свои получить, фамильные...

Даша удивленно вскинула глаза. Она ничего не говорила приятелям ни о бабушкином богатстве, ни о ее смерти, и, уж конечно, о том, что в наследстве Веры Николаевны были и немислимые по красоте и стоимости драгоценности. Да и с какой стати?..

– Ты же знаешь, Паша, – спокойно проговорила она. – Я сирота, воспитывалась у дальней родственницы. Какие у меня могут быть фамильные бриллианты?

Павел, обычно быстро хмельавший, но при этом никогда не терявший контроля над собой, замахал рукою, громко закашлялся, засмеялся:

– Да ладно тебе, знаем, знаем... Эх, Дашуня, что бы ты без нас, без друзей, делала! Кто бы тебе посоветовал...

– Подожди, Павел, – снова остановил его Игорь. – Договорились же: об этом – потом.

Даша быстро посмотрела на него. Ей был неприятен и этот неожиданный разговор, и вскрывшаяся вдруг болтливость Игоря по поводу личных Дашиных дел, и странные, на ее взгляд, намеки Павла. Но Светлана уже исправляла положение, снова разливала коньяк, подавала гостям фрукты и сладости, включала прикосновением тщательно отлакированного ноготка мощную стереосистему.

– Потанцуем? – промурлыкала она и потянула в центр гостиной своего неуклюжего, расплывшегося мужа. – Слоник мой косолапый...

Даша осталась сидеть в кресле. Опустив голову, она задумчиво водила пальцем по золотистому узору на своей по-прежнему пустой тарелке и даже вздрогнула, когда Игорь положил свою руку на ее, словно напрочь позабыла о его присутствии.

– А ты не хочешь потанцевать? – вкрадчиво спросил он.

– Нет, – коротко ответила Даша.

Но Игорь, обойдя ее кресло, вдруг рывком поднял девушку на ноги, и по его горячему коньячному дыханию на собственном затылке, по непримиримой жесткости рук, словно капканом обхвативших ее, Даша поняла, что и он уже, пожалуй, перебрал и теперь не склонен выслушивать возражений. Даше не хотелось сейчас скандала. Повернувшись и в упор взглянув в его немигающие глаза, она все-таки уступила, позволив вывести себя в центр комнаты.

Пары двигались в медленном, разнеженном танце; мужчины лениво перебрасывались случайными фразами, женщины молчали. Лицо хозяйки дома было грустным; она полузакрыла глаза и словно отрешилась от всего происходящего рядом, будто все это было страшно далеко от нее и не стоило ни внимания, ни усилий, ни доброго слова. Даша и хотела бы поступить так же, но это было невозможно: ей приходилось удерживать Игоря, который буквально падал на нее, отводить в сторону его слишком уж настойчивые руки, отворачиваться от почти грубого прикосновения губ. «Вот они, молодые годы... – нарочито громко шептал где-то рядом Павел, бывший ничуть не старше Игоря. – Вот она, любовь-то, что делает. Цени, Дашуня...»

Ситуация становилась все двусмысленней и гаже, и дело было вовсе не в откровенности Игоревых объятий, а в их нарочитой публичности и клоунской бравате. Он словно демонстрировал право собственности на Дашу, и, не выдержав наконец, она резко высвободилась и отошла в сторону.

– Я – покурить, – бросила она через плечо, не глядя ни на кого, и, аккуратно обойдя хозяйскую пару, скрылась на кухне.

Там, уютно устроившись с ногами на низеньком угловом диванчике, Даша подцепила несколько глянцевого женских журналов, небрежно оставленных на полу, и раскрыла первый попавшийся из них. Курить на самом деле не хотелось, как не хотелось ни есть, ни пить, ни разговаривать. Вечер вообще не задался, и Даша жалела, что поддавалась на уговоры и не осталась дома. Ей снова хотелось остаться одной, посидеть в тишине, подойти к бабушкиному трюмо и, может быть... может быть, снова обрести свой негаданный сон, принесший ей такое чувство освобождения и покоя. Неожиданно для себя самой Даша заплакала, не вытирая слез, – и все-таки закурила, ощущая, как осень снова навалилась на нее своей свинцовой тяжестью, не давая вздохнуть полной грудью.

– Ты здесь? – прошептала Светка, заглядывая в дверь. – Отдыхаешь? Это ты хорошо придумала. Ну их, мужиков, надоели. Кстати, мы им, по-моему, тоже: они там занялись какими-то проблемами, Пашка рисует всякие дурацкие юридические схемы на листочках, а твой Игорь ему что-то с увлечением объясняет. И заладили как попугаи: фонд, фонд... Какой там фонд, зачем, кому?! Как им только не надоест заниматься делами?

Даше вдруг стало смешно. Милой, безалаберной, пустоголовой Светке, конечно, этого не понять – сама-то она делами давным-давно не занималась, потому что дел в социальном смысле этого слова у нее давно никаких не было. И неожиданно для самой себя Даша, исключительно редко вмешивающаяся в чужие дела, сказала:

– Ребенка бы тебе надо, вот что...

– С ума сошла? – Светланина реакция оказалась неожиданно острой, глаза заледенели, а губы резко сжались. – Я только месяц как после аборта.

– Аборта?! Светка, ты же говорила...

– Ну да, уже четвертый. Опасно, конечно, а что сделаешь. Павел ни за что не хочет детей...

– Светочка, милая, ну разве ж так можно? – Даша почему-то разволновалась так сильно, что задрожали руки и упала в пепельницу недокуренная сигарета. – Разве ты не понимаешь? Грех такой, и даже не в церковном смысле, а попросту, по-человечески... Ведь все у вас хорошо – прочная пара, благополучная жизнь... Почему, почему?

– Не знаю... – Светлана вздохнула, и лицо ее как-то разом побледнело и словно даже осунулось. – Павел говорит, дети мешают карьере, делам, спокойной, размеренной жизни. А я не настолько сильно хочу иметь ребенка, чтоб рисковать своими браком и достигнутым уровнем жизни. Понимаешь?..

Даша не понимала. Это была другая жизнь, другая логика, другие правила игры. Но, зная, что самой ей неуютно в этой жизни и этой логике, Даша в то же время видела: Светлана изо всех сил обустроивает свой мирок, личный рай, куда Дашу было бы не затащить никакими коврижками, ищет свою собственную, Светкину, правду... И укорять, выговаривать, мешать ей Даша, конечно же, не могла, потому что никто и никому не должен мешать в этом странном, жестоком человеческом мире. Хотя бы не мешать...

* * *

Они сидели, не глядя друг на друга и не разговаривая. Светланино лицо снова смягчилось, стало беззлобным и безмятежным, как обычно. А Даша, переживая, что невольно огорчила хозяйку дома своим бестактным замечанием, уже придумывала, как бы понезаметней, без лишнего шума ускользнуть отсюда. Может быть, сослаться на головную боль?.. Если Игорь действительно решает там с Павлом какие-то деловые вопросы, то он не сразу хватится ее. А потом, наверняка обидевшись на то, что Даша ушла, не предупредив его, уже не будет пытаться возобновить общение – ни сегодня, ни завтра. Решено, так она и поступит...

Даша быстро поднялась, но в этот момент в кухне появился Павел и слегка капризным тоном, так не вязавшимся с его грузной, солидной фигурой, заявил:

– Мы без вас скучаем. Коньяк разлит, музыка звучит, а дамы сбежали от кавалеров...

– Ладно, давай без твоих вечных шуточек. На самом деле все гораздо серьезней. – Лицо Игоря, выглядывавшее из-за плеча хозяина, действительно было деловым и собранным. – Даша, нужно поговорить. И прошу тебя, отнесись к этому спокойно и здраво.

Когда они снова уселись в гостиной, Павел придвинул к себе какие-то исчерканные листочки и, проведя пухлой рукой по лицу, словно смахивая с него невидимую паутину, торжественно начал:

– Видишь ли, дорогая, дело, конечно, непростое, но шансы на выигрыш, по-моему, очень весомы. Разумеется, ситуацию сильно осложняет то, что ты не являешься близкой родственницей, да к тому же существуют прямые наследники, но если они люди неглупые и поймут, что лучше поделиться, нежели влезать в судебные тяжбы и рисковать своей репутацией, то...

– Подождите, подождите! – почти вскрикнула Даша. – Какое дело, чем делиться?!

– Павел, постой. – Игорь мягко, но настойчиво взял дело в свои руки, остановив приятеля движением руки. От его недавнего опьянения, казалось, не осталось ни малейшего следа. – Давай объясним ей все по порядку. Понимаешь, нам с тобой повезло, что нет официального завещания. Зато есть (и это знают многие, практически вся родня) – неофициальное... А кстати, ты сохранила этот листочек с последней бабушкиной волей, тот, что вручил тебе дядя?

– Нет, – отрезала Даша, глядя на Игоря с раздражением, почти с ненавистью. – Не сохранила, и слава богу! Так что можете сразу распрощаться с вашими грандиозными планами.

– Так это же замечательно, что завещания больше нет! – расхохотался Игорь, обводя всех присутствующих победоносным взглядом. – Это значит, дорогая, что сегодня уже никто не сможет с точностью сказать, что именно там было написано. Может быть, как и уверял Сергей Петрович, бабушка оставила тебе только трюмо. А может быть, кроме него – беккеровский рояль и библиотеку. А может быть... Может быть, там было и словечко по поводу какого-нибудь кольца, или браслета, или, на худой конец, пары серег?.. Ты понимаешь, какие это открывает перед нами возможности? Кроме тебя и твоего дяди, текст завещания никто не видел. Помимо этого мы знаем то, что пока, похоже, не знают твои родственнички. И это обстоятельство – когда оно наконец вскроется – скорее всего, тоже заставит их быть посговорчивее. А значит...

– Ты, Игорь, не торопись, – рассудительно остановил Павел. – Пока это еще ничего не значит. Я же тебе говорю, дело непростое. Но попытаться, естественно, стоит. Многого не получим, но с паршивой овцы хоть шерсти клок, так ведь? Если растолковать им, что подобные дела о спорных наследствах могут длиться годами, и при этом они даже не смогут вступить в свои законные права – нужно будет дожидаться окончательного решения суда... О, тут иногда люди способны пойти на самые неожиданные уступки!

– За это следует выпить. – Светлана, сидевшая все это время раскрыв рот, словно оглушенная неожиданно открывшимися перспективами превращения подруги в богатую наследницу, вспомнила о своих обязанностях хозяйки дома и потянулась к бокалам. – Игорь, Паша! Разливайте. Я несу горячее. Дашуня, ты мне поможешь?..

Ничего не говоря, девушка поднялась и, отведя руки потянувшегося было за ней Игоря, вышла из гостиной. Ей казалось, что она чего-то не понимает, что смысл происходящего ускользает от нее и что остановить всю нелепость этого происходящего можно только молчанием – полным, безоговорочным, презрительным. Если начать сейчас спорить, доказывать им, что она никогда не пойдет на подобный подлог, что не станет заниматься сутяжничеством, не будет судиться с родственниками и обманом выуживать у них бабушкины бриллианты, если начать все это объяснять, то у Игоря может сохраниться иллюзия, что рано или поздно он сумеет ее переубедить, уговорить, заставить. Даша прекрасно знала и его настойчивость, и способность долго давить на человека, и извечный кураж во что бы то ни стало настоять на своем... Нет-нет, только не это. Не спорить, ничего сейчас не говорить – молча уйти и никогда, никогда его больше не видеть...

Она уже натягивала в прихожей свое узкое серебристо-серое пальто, заматывала длинный голубой шарф, когда Светлана, запоздало реагируя на ее уход, крикнула из комнаты:

– Даша, ты куда? Тебе что, нехорошо? Ты вернешься?..

Хлопнувшая в тишине входная дверь послужила ей единственным и – как казалось Даше – самым точным ответом.

* * *

Она не стала дожидаться лифта и побежала вниз с шестого этажа, торопясь поскорее вырваться на улицу. Но там, наверху, на площадке, которую девушка только что покинула, снова хлопнула дверь, и кабина лифта все-таки дрогнула и загудела за ее спиной, словно пытаясь догнать и опередить Дашу. Спускаясь к нижнему холлу подъезда, она уже знала, кого увидит внизу.

Игорь действительно стоял, прислонившись спиной к двери и перекрывая ей выход. Его чайные глаза, казалось, еще больше потемнели, стали колючими и раздраженными, в голосе слышались металлические нотки.

– Ты решила выставить меня перед друзьями полным идиотом?

– Это была твоя собственная затея. И за последствия ты отвечаешь сам. Позволь мне пройти. – Даша решительно двинулась на Игоря, но стронуть его с места сейчас было так же легко, как сдвинуть скалу.

– Ты немедленно поднимешься вместе со мной наверх, извинишься, и мы продолжим этот разговор. Это нужно тебе, а не мне, понимаешь? Я все эти дни уговаривал Павла навести кое-какие справки и проконсультироваться со специалистами, я готов сейчас заплатить ему за труды, пока ты сама не способна нести такие расходы. Зато потом, может быть, уже скоро... Неужели тебе не ясно, что подобный случай представляется только раз в жизни! И не каждому, Даша, далеко не каждому!

– Я не буду этого делать.

– Чего – этого? Не пойдешь сейчас со мной наверх? Не станешь извиняться перед ребятами? Ладно, проехали. Все это пустяки, если только...

– Я не хотела ничего объяснять, ничего говорить – зачем, если ты сам не понял? Но раз ты настаиваешь, я не стала бы драться за наследство даже в том случае, если бы в завещании бабушка действительно оставила мне что-то ценное, а родственники не хотели уступить миром. Даже в такой ситуации не было бы и речи о судах и семейных распрях. А уж то, что предлагаешь ты... Это же подло, грязно – сам не чувствуешь? И, между прочим, противозаконно. Или тебя вместе с нашим прославленным другом-юристом такие мелочи не смущают?

– Вы закончили свою обличительную речь, сударыня? – Игорь саркастически хмыкнул и наконец оторвался от двери, не убирая, однако, расставленных перед девушкой рук. – Вы предпочитаете чистоплюйствовать и презирать окружающих, когда эти окружающие предлагают вам помощь? И при этом делаете вид, что не понимаете, о чем идет речь? Конечно, вы выше всех этих грязных меркантильных соображений, ведь вы питаетесь исключительно божьим нектаром и одеваетесь ночным зефиром, который струит... что там? Струит эфир? Ну, это неважно. Во всяком случае, деньги вам ни к чему. Так? И то, что они могли бы пригодиться вашему другу – немало, кстати, на вас потратившему за минувшие годы, – это тоже в расчет не берется, не правда ли?

Дашино терпение истощилось. Видит бог, она не хотела рвать с ним, она все еще была зависима – не от самого Игоря даже, а от нежных воспоминаний, сотнями нитей опутавших ее за пять прошедших лет и привязавших к этому мужчине, как всегда привязывают женщину длительные отношения и послевкусие былой любви. Но это... это уж слишком!

– Ты немедленно уберешь свои руки и выпустишь меня отсюда, – отчеканила она, глядя на него в упор. – Если хочешь, можешь составить счет... включи в него самые крупные расходы. Я постараюсь с тобой расплатиться – так быстро, как только сумею.

Игорь неожиданно отодвинулся в сторону, раскрыл рот, словно собираясь что-то сказать, но девушка, не слушая, не вникая и задыхаясь, как после быстрого бега, выскочила наконец на улицу. Осенняя грязь громко зачавкала под ее ногами, ветер и дождь уже пополам со снегом – ударили в лицо. Она быстро шла, не разбирая дороги; слева от нее отчаянно засигналила какая-то машина, рядом залаяла невидимая в темноте собака, и Даша вдруг сообразила, что уже очень поздно, наверняка не меньше полуночи, и добраться домой из этого престижного, но не слишком близкого к центру района будет непросто.

– Закурить не найдется, дамочка? – услышала она совсем рядом с собой тягучий, нарочито гнусавый молодой голос.

Вздвигнув, Даша обернулась и, сощурив глаза, попыталась сквозь туманную слякотную пелену разглядеть говорившего. Ей удалось это не сразу, но когда удалось – спокойствия не прибавило. Парень был не один; целая компания подвыпивших («А может, и хуже», – пронеслось у Даши в голове) подростков жались к голым деревьям небольшого скверика, который девушке предстояло пройти.

Она, не отвечая ни слова, пошарила в кармане пальто и бросила ближайшему к ней парню едва начатую пачку хороших сигарет. Тот ловко поймал ее, приблизил к глазам и, разглядев добычу в неверном свете фонаря, одобрительно хмыкнул. Смутные тени остальных приблизились к Даше, и она, испугавшись сильнее прежнего, мысленно взмолилась: «Господи, пусть они оставят меня в покое!..»

Тот, кто заговорил с Дашей, махнул своей компании рукой, и тени расступились.

– Пускай проходит. Нежданная оказалась дамочка... Мы таких не трогаем – верно, парни?

Даша, не дожидаясь их ответа на эти развязные речи и по-прежнему не говоря ни слова (ей казалось, что голос ее непременно задрожит и выдаст панический ужас), быстро двинулась вперед. Сквер она пролетела как стрела; едва переводя дух, выскочила прямо на проезжую часть улицы и отчаянно замахала рукой огонькам такси. Усталый водитель с серым отечным лицом заломил немислимую цену, но Даше было все равно. И, кивнув несколько раз подряд, будто боясь, что он передумает, она забилась в самый угол сиденья, пряча лицо в свой холодный, намокший, пахнувший осенней сыростью шарф.

Глава 4

Забросив руки за голову, Даша лежала в ванне, наслаждаясь теплом и ароматом воды, мягкостью льнущей к коже жемчужной пены. Она вернулась домой измученная, но, как ни пыталась, не смогла заснуть. В третьем часу этой проклятой ночи она наконец оставила бесплодную погоню за сном... сколько же суток она не спит?.. и перебралась из безжизненной пустоты постели в обитель мерцающих капель, тихих шорохов льющейся воды и свежих запахов хвои. Чувство покоя и безопасности все еще не вернулось полностью, но жизнь уже не казалась такой безнадежно проигранной, как пару часов назад в холодном, пропахшем бензином такси.

В конце концов, ничего еще не потеряно. Светлана с Павлом никогда не были Даше особо близки – их приятельство, их встречи, их общие праздники всегда устраивались Игорем. И теперь, хотя пара эта, в общем, перед Дашей ни в чем не виновата, лучше будет на какое-то время воздержаться от общения, и никто из них при этом не почувствует себя чрезмерно обделенным. Что же касается Игоря... Об этом она подумает завтра, совсем как Скарлетт О'Хара, решила девушка – и невесело усмехнулась тому, как научилась убегать от неприятных мыслей, пользуясь методом не самой любимой своей героини.

Если даже она решит остаться одна, без Игоря, ее жизнь не потеряет своей полноты. Есть дело, которое ей по-настоящему интересно – пускай не в виде профессии, но хотя бы в виде постоянного хобби. Есть работа, дающая ей возможность вполне пристойного, не нищенского существования. Есть старинная институтская компания – сколько же она уже не виделась с девчонками: год, полтора? И есть... ну конечно же, есть еще Вадик. Нелюбимый, всегда отвергаемый в своем обожании, но верный и преданный друг. Она позвонит ему завтра, как только проснется; с ним она никогда не чувствовала себя одинокой, и, может быть, его ровная, постоянная, жертвенная нежность окажется как раз тем, что ей сейчас так необходимо.

Даша почти не отдавала себе отчета, что отчаянно ищет в своей жизни хоть какую-то опору, пытаясь удержаться в пустоте и мраке разочарования, устоять перед одиночеством. Ей казалось, что все случившееся с ней – смерть Веры Николаевны, странное наследство, таинственное бессознательное путешествие, грубая и алчная выходка Игоря, вся эта череда событий – не более чем случайное совпадение осенней депрессии с затянувшейся черной полосой невезения, мелкая прихоть насмешницы-судьбы, случайный каприз природы... Это пройдет, верила девушка, октябрь закончится вместе с надоевшей черной полосой, все отжившее умрет, как умирают и опадают большие листья, и осень отпустит Дашу на свободу. И, улыбаясь почти безмятежно, смывая с себя всю усталость и боль прошедшего вечера, Даша запела старую песенку о любви и о надежде.

Выйдя из ванной, закутанная с головой в уютную махровую простыню, она прошла в комнату и остановилась рядом с бабушкиным трюмо. Тихо и темно было вокруг, ничего не отражалось в старом, помутневшем от времени стекле, и, как напряженно ни вглядывалась Даша в зеркало, она не сумела увидеть там ни зеленой поляны, ни ярких цветников, ни чудесного дома с белыми колоннами...

Легко вздохнув, словно освобождаясь от чудовищного напряжения, девушка присела на край столешницы, чуть касаясь поверхности, и тронула рукой канделябр. Он был неожиданно теплым, как будто только что из него вынули горящие, изнывающие от жаркого воска свечи. И уже почти весело, по-дружески, Даша похлопала рукой по темному боку трюмо.

Похлопала – и замерла с поднятой рукой, непонимающе глядя на зеркало. Письмо!.. Бабушкин конверт! Где он? Не веря самой себе, она внимательно оглядела трюмо, зачем-то проверила все уголки зеркальной поверхности, потом, опустившись на корточки, заглянула

под комод, пошарила рядом с тяжелыми гнутыми ножками. Все было тщетно – сиреневого конверта не было ни на зеркале, ни на полу, вообще нигде в комнате.

Даша еще раз быстро и внимательно обвела взглядом полки, письменный стол, диван – может быть, она сама переложила письмо и забыла?.. Нет, девушка хорошо помнила, как, оставив его недочитанным, она весело заткнула конвертик за угол зеркала, словно фиалку, и улыбалась ему целый вечер...

Враз обессилев, Даша уселась на диван и закрыла лицо руками. Что же с ней происходит, если она не в силах вспомнить самые простые вещи и отыскать предметы, которые сама же убрала куда-то? Что за безумие опутывает ее своей паутиной – беспамятство, бессмысленность, бездумность в словах и действиях?..

Да, завтра она позвонит Вадиду. Что бы ни случилось, он сумеет успокоить ее, объяснить ей происходящее с ней самой и, может быть... может быть, даже помочь.

* * *

«Каждая девушка в мире должна иметь своего Вадика», – задумчиво изрекла когда-то мама Лена, глядя на огромный ворох тюльпанов, который Даша подняла с аккуратного коврика перед дверью их квартиры. Они возвращались с последнего из Дашиных школьных выпускных экзаменов (мама Лена ни за что не хотела отпускать ее одну и неизменно пополняла ряды «болеющих», дежуривших в коридорах школы), и, как частенько бывало в последние годы, у входа их поджидало очередное душистое подношение давнего – кажется, лет с десяти? – поклонника. Вадик жил рядом, в соседнем подъезде, учился в соседней школе, и весь дом знал, что с пятого класса «Вадик плюс Даша равняется любви», хотя мало кто догадывался, что эта любовь не совсем взаимна. Соседки качали головой и шептались, что парень не по себе дерево рубит, но все их симпатии при этом были на стороне верного Вадика, и они хором убеждали его хотя бы не оставлять букетов в подъезде – «мало ли кто стащит, а ты еще и виноват останешься, не принес, мол, сегодня...».

Как давно все это было! Они были друзьями – и только. И, кстати, навсегда остались не более чем друзьями. Все соседи уже мысленно поженили их и теперь только ждали, когда это произойдет в действительности; приятели из дворовой компании гадали, давно ли они спят вместе, – а между тем Даше все еще не хотелось даже целоваться. Может быть, будь Вадик понастойчивей, не обожествляй он свою подругу с таким пылом и преданностью – вполне, кстати, несовременными, – их отношения сложились бы по-другому. Но история не имеет сослагательного наклонения, а любовная история – тем паче...

Они учились в институтах – Даша в архитектурном, Вадим в медицинском, – оба крутили романы, встречались все реже, но при каждой встрече он все так же замирал, получая дежурный дружеский поцелуй в щеку, и все так же, уже почти безнадежно, уговаривал ее выйти за него замуж. А потом вдруг что-то случилось, он перестал ей звонить, и Даша, поначалу нимало не обеспокоенная (его непритязательная любовь уже стала для нее столь же привычной, как чашка кофе по утрам), вскоре услышала разговоры, что он «покатился по наклонной плоскости», бросил институт, начал пить... Старая дружба выиграла в ней, она спохватилась и принялась разыскивать Вадика – дома, у старых друзей, по всем адресам их юности, но телефоны либо молчали, либо равнодушно отзывались почти забытыми голосами: «Мы сто лет его не видели... Ничего о нем не знаем... Он давно не появлялся...» И однажды мать Вадима, не пожелавшая говорить с ней по телефону, встретив Дашу на улице, неприязненно бросила ей: «Это ты сломала ему жизнь! Ты, ты!»

Вадик появился у Даши тем же вечером со словами: «Какая глупость, мама просто расстроена и сама не знает, что говорит, ты не слушай ее...» – «Но что-то же происходит, – настаивала Даша. – Почему ты бросил институт?» – «Это все неважно, так получилось, я скоро вос-

становлюсь», – отмахивался знакомый с детства, как любимый плюшевый медведь, человек и снова смотрел на девушку преданными глазами, и, как всегда, любовь его не вызывала в Даше ничего, кроме желания погладить его по голове, как старого верного пса.

Он так и не вернулся в институт. Ушел из дома, завербовался куда-то на Север и вернулся совсем чужим – большим, грубым мужиком с испорченными зубами и прокуренным голосом. Даша едва узнала его при встрече, но привычно бросилась ему на шею и потом долго чувствовала себя виноватой – странной, неизъяснимой виной. Она так никогда и не поверила словам его матери, будто это она, Даша, сломала Вадиму жизнь. Она никогда ничего ему не обещала, никогда не лгала, что любит, и при этом никогда не отказывала в своей дружбе – разве не так? И на что еще мог бы претендовать, чего мог требовать нелюбимый мужчина от женщины, бывшей ему всего лишь подругой детства? Но все же, все же...

А потом отношения как-то утряслись, вошли в колею нечастых, необременительных встреч. Для него, возможно, эти дружеские свидания были теплым напоминанием о первой любви и юношеских мечтах. А для нее Вадик навсегда остался своего рода прививкой – от чувства неуверенности в себе, от девичьих комплексов, от боязни остаться одной. Пока на свете был он, Даша чувствовала себя любимой. Даже если это было всего лишь иллюзией...

Она почти никогда не звонила ему сама. Даже телефонного номера не знала наизусть, тем более что каждые полгода он сообщал ей новый. Вадик по-прежнему скитался по каким-то случайным квартирам, но из Москвы больше не уезжал. Вспомнив о своем незаконченном медицинском, он устроился на «Скорую» медбратом; по слухам, едва сводил концы с концами и (тоже по слухам) по-прежнему сильно пил, но никогда не появлялся у Даши небритым, нетрезвым или без привычного букета цветов.

Сняв теперь телефонную трубку и разыскав в старенькой записной книжке очередной набор цифр, Даша медленно нажала нужные кнопки. Долго слушала тягучие сигналы, потом набирала еще и еще раз. Почему-то ей казалось, что он должен быть дома – не может не быть, если он нужен ей, как никогда раньше.

Даша угадала. Злой, сонный голос наконец раздраженно откликнулся на ее призыв.

– Слушаю... Кто там? Алло!

– Вадик, это я, Даша...

Наступившее молчание в трубке и его тяжелое дыхание отчего-то смутили ее, ожидавшую радостного возгласа и привычных нежных шуток.

– Я не вовремя? Помешала?

– Нет-нет, – теперь уже торопливо откликнулся он, и девушке показалось, что там, на другом конце провода, он стремительно приходит в себя, стараясь превратиться в того Вадика, которого она всегда знала. – Слушаю тебя. Что-нибудь случилось?

– Да нет, что могло случиться? – с наигранной беспечностью откликнулась Даша. – Просто отчего-то захотелось поговорить с тобой... или даже увидеться. Может, зайдешь ко мне сегодня вечером?

– Я работаю, – глухо проговорил он. – Сама знаешь, воскресенье для «Скорой» не указ...

Она никак не ожидала отказа и растерялась.

– Конечно, – пробормотала девушка неуверенно, уже сожалея о своем звонке. – Если у тебя работа...

Но он вдруг изменил свое решение.

– Я смогу зайти на час-полтора, только не вечером, а днем, до начала своей смены. Это тебя устроит?

– Разумеется. Давай вместе пообедаем...

– Только не говори: и вспомним старые добрые времена, – хрипло закашляв, вдруг перебил ее Вадим. – Ну, до скорого...

– До скорого... – ответила Даша, но трубка уже взорвалась короткими, равнодушными гудками.

Она села у зеркала и посмотрела на свое отражение так, будто старое бабушкино трюмо теперь должно было давать ответы на все ее вопросы. Она что-то сделала не так? Помешала, отвлекла, оказалась навязчивой?.. Неужели и в Вадике, вечном Вадике, почти надоедливом своим постоянством, произошли перемены? Неужели ничего надежного не осталось в ее мире?

* * *

Он стоял перед ней с неизменными розами, как всегда, худой и высокий и как никогда – чужой. Плохо сбритая щетина, усталые глаза в болезненных красных прожилках, затравленный взгляд неудачника, и во всем облике – печать неустроенной жизни, недовольства судьбой и многодневного пьянства. Человек, которому Даша открыла дверь, был так непохож на друга ее юности, что она неуверенно переспросила:

– Вадик?..

– Он самый. Что, хорош? Нравлюсь?

Даша отступила назад, давая ему пройти, и не смогла заставить себя подойти поближе, обнять, прижаться к его груди, как она это делала почти всегда при несчастях, но таких необходимых им обоим встречах. Он привычно наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку, и, заметив, как она еле заметно отстранилась, невесело хмыкнул. А она, кляня себя в душе за грубость, так и не смогла скрыть свое потрясение и нечаянную брезгливость, вызванные его опустившимся видом.

Вадим тем временем скинул выдавшую виды, потрепанную куртку, небрежным жестом пригладил жесткие волосы – они-то все еще хороши, механически отметила про себя Даша – и, косолапо ступая, прошел на кухню.

Устроившись он с ходу подцепил вилкой ломоть ветчины с тарелки и, делая вид, будто не замечает потрясенного Дашиного лица, пробормотал с набитым ртом:

– Ну, рассказывай.

– Да, собственно, и рассказывать нечего. – Девушка преувеличенно рьяно взялась исполнять роль хозяйки, подвигая ему приборы, наливая тарелку супа и старательно отводя взгляд от обрюзгшего лица сидящего напротив человека. – Просто замучила осенняя хандра. Всюду слякоть, всюду грязь...

– И в человеческих отношениях тоже, – закончил за нее Вадим.

Нет, что ни говори, а в проницательности ему не откажешь! Но Даша притворно удивилась и наконец взглянула ему в глаза.

– С чего ты взял? В отношениях все тип-топ...

Он поморщился и громко бросил на стол ложку.

– Дарья, не крути. Ты забыла, сколько лет мы с тобой знакомы? Одно твое вульгарное «тип-топ» может привести на мысль, что в твоей жизни что-то не так. Я прав?

– Теоретически – прав, – тихо ответила Даша. – Мы действительно давно с тобой знакомы, и я действительно никогда не говорю «тип-топ»... Но мы видимся с тобой слишком редко, чтоб ты мог делать такие выводы. Может быть, во мне все изменилось.

Вадим медленно и почти аккуратно очистил тарелку, отодвинул ее и, внимательно посмотрев на девушку, сказал:

– Если уж ты позвонила мне и попросила прийти... Последний раз такое случалось, если я не ошибаюсь, в девятом классе? Так что все эти твои отговорки насчет осенней хандры – по-моему, просто женские штучки. Но я не стану настаивать. Я ведь никогда ни на чем не настаивал, верно? Захочешь – расскажешь сама... У тебя по-прежнему можно курить?

Даша рассеянно кивнула:

– Разумеется, можно. А что могло в этом смысле измениться?

– Ну, может, ты беременна, – без тени улыбки ответил Вадик. – Вот и решила поделиться новостью и сомнениями со старым приятелем, обладающим какими-никакими медицинскими познаниями...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.